

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
Российской академии наук

МАТЕРИАЛЫ К КОРПУСНОЙ ГРАММАТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Глагол

Часть I

Редакционная коллегия:
*В. А. Плунгян (Отв. ред.), Е. Р. Добрушина,
Е. В. Рахилина, Н. М. Стойнова*

Нестор-История
Санкт-Петербург
2016

УДК 81-26
ББК 81.2-2
МЗ41

*Рукопись подготовлена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 14-04-00264
Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-04-16080*

МЗ41 **Материалы к Корпусной грамматике русского языка.** Глагол. Часть I. —
СПб. : Нестор-История, 2016. — 448 с.

ISBN 978-5-4469-0828-8

Сборник состоит из дескриптивных статей по русской грамматике, написанных на материале Национального корпуса русского языка. Предполагается, что в дальнейшем они составят основу раздела «Глагол» «Корпусной грамматики русского языка» — готовящегося коллективом синхронного грамматического описания, главная особенность которого будет заключаться в последовательном использовании обширного массива корпусных данных. Статьи подобраны так, чтобы дать читателю максимально полное представление об общих принципах Корпусной грамматики: это, в первую очередь, последовательная ориентация на эмпирический корпусный материал и анализ количественных данных, а также теоретическая нейтральность и типологический ракурс представления конкретно-языковых фактов. В сборник вошло восемь статей, образующих три тематических блока: «Модальность и наклонение»; «Морфосинтаксис»; «Система причастий». Сборник открывается кратким предисловием, которое знакомит читателя не только со статьями, непосредственно вошедшими в сборник, но и с проектом по созданию Корпусной грамматики в целом. Адресован широкому кругу лингвистов: русистам, специалистам по корпусной лингвистике, лингвистам-типологам, а также студентам и аспирантам лингвистических специальностей.

ISBN 978-5-4469-0828-8

9 785446 908288

© Коллектив авторов, 2016
© Издательство «Нестор-История», 2016

МОДАЛЬНОСТЬ

Модальность — это понятийная категория, которая характеризует: а) отношение говорящего к содержанию высказывания, или б) статус обозначенной в нем ситуации по отношению к реальному миру, или в) иллокутивную силу, т. е. коммуникативную цель говорящего. В грамматике модальность выражается прежде всего **наклонением**. Например, в предложении *Не уверен, что Маша пришла бы* сослагательное наклонение выражает тот факт, что ситуация прихода Маши является гипотетической, а не реальной. В предложении *Вот бы пришла Маша!* сослагательное наклонение выражает желательность той же ситуации для говорящего. В предложении *Уходи, Маша!* повелительное наклонение выражает побуждение к действию. Модальные значения выражаются и многими другими способами — конструкциями (*Быть бычку на веревочке*), вводными словами (*наверно*), модальными глаголами и предикативами (типа *мочь, можно, нужно*), частицами (*все-таки*) и проч.

1. Модальность как понятийная категория
 - 1.1. Три типа модальных значений
 - 1.2. Модальность и смежные явления: отрицание, оценка, эвиденциальность
 - 1.3. Модальность как эгоцентрическая категория
2. Модальность и наклонение
 - 2.1. Модальность как экстраполированное наклонение
 - 2.2. Проблема совместимости модальных значений
 - 2.3. Изъявительное наклонение и снятая утвердительность
 - 2.4. Сослагательное наклонение
 - 2.4.1. Синтаксически подчиненная позиция
 - 2.4.2. Синтаксически независимая позиция
 - 2.5. Совместимость модальностей разных типов
3. Иллокутивная модальность
 - 3.1. Грамматическая иллокутивность: повествовательные, побудительные и вопросительные предложения
 - 3.2. Ассертивный иллокутивный тип и частные иллокутивы на базе ассертивов

- 3.3. Императивный иллокутивный тип и частные иллокутивы на базе императива
 - 3.3.1. Речевые действия и перформативные глаголы
 - 3.3.2. Побудительные речевые акты. Три примера
 - 3.3.3. Дополнительные сведения об императивном предложении
- 3.4. Вопросительная грамматическая иллокутивность; частные иллокутивы
- 3.5. Иллокутивные употребления союзов
- 4. «Субъективная» модальность
 - 4.1. Модальности возможность и необходимость
 - 4.1.1. Онтологическая, деонтическая и эпистемическая возможность и необходимость
 - 4.1.2. Нелексические показатели возможности и необходимости
 - 4.1.3. Возможность и необходимость в модальной логике
 - 4.2. Субъективная модальность, выражаемая наклонением
 - 4.3. Субъективная модальность, выражаемая конструкциями
 - 4.4. Субъективная модальность, выражаемая вводными словами
 - 4.4.1. Некоторые классы вводных слов и их свойства
 - 4.4.2. Синтаксическая подчинимость вводных слов
 - 4.4.3. Всегда ли подразумеваемый субъект вводного слова — говорящий?
- 5. Библиография

1. Модальность как понятийная категория

1.1. Три типа модальных значений

Термин **модальность** используется для обозначения широкого круга разнородных явлений. К сфере модальности относят следующие группы значений.

а) Противопоставление по признаку **реальность — ирреальность**, ср. *Он стал чемпионом мира* (реальная модальность) и *<Ему надо было выиграть последнюю партию — тогда> он стал бы чемпионом мира* (ирреальная модальность). Это так называемая **«объективная»** модальность, которая выражается грамматической категорией наклонения — а именно, оппозицией индикатив vs. сослагательное наклонение, см. п.2, а также статью Сослагательное наклонение.

б) Противопоставление высказываний по **иллокутивной силе** (в традиционной терминологии это «тип предложения по цели высказывания»): высказывания и предложения бывают повествовательные, побудительные, вопросительные: *Дети ушли*; *Дети, уходите!*; *Ушли ли дети?* Соответственно, говорят об **утвердительной** (ассертивной), **побудительной** и **вопросительной** «иллокутивной модальности». Имеются также более частные иллокутивные типы. Иллокутивная сила выражается наклонением (в частности, повелительным),

вопросительными словами и частицами, интонацией и множеством конструкций «малого синтаксиса» (*Что бы тебе с ней познакомиться!* — побуждение), см. п.3.

в) К сфере модальности относятся также значения, которые выражают отношение говорящего к тому, о чем он сообщает, — т. е. психологическую или ментальную **установку** говорящего, propositional attitude, или attitude of the mind, например желательность, гипотетичность, сомнение и под. Это так называемая «**субъективная модальность**», см. [Виноградов 1975]; [Грамматика 1980(II): 214–236]. Субъективно-модальные значения выражаются сослагательным наклонением в оптативном (желательном) значении (см. Сослагательное наклонение / п.2.3), а также: вводными словами и словосочетаниями, специальными конструкциями, частицами и междометиями, порядком слов и интонацией. Все эти граммемы, слова и конструкции в своей семантике предполагают говорящего — при этом говорящий не является при них эксплицитно выраженным субъектом: *Ну и дождь! Вот дождь так дождь! Уж и дождь! Дождь и дождь! Тот еще был дождь! Наверно, дождь! Надо же, дождь!* Эти значения часто бывают экспрессивно окрашены. Как синоним можно использовать термин **установочная модальность**. (В [Плунгян 2011: 424] эта модальность фигурирует как «**оценочная**».) См. п.4.

г) Начиная с Аристотеля, модальными принято называть значения **возможности** (*До вокзала можно доехать на трамвае*) и **необходимости** (*Ты должен ей помочь*). В русском языке возможность и необходимость выражаются лексически (глаголами, предикативами, вводными словами, частицами), а также конструкциями — прежде всего инфинитивными: *Тебя не убедить* (= ‘нельзя убедить’, отрицание возможности), *Мне завтра дежурить* (= ‘надо дежурить’, необходимость). Есть языки (например, венгерский, японский), где подобные значения выражаются морфологически. Значения возможность и необходимость, особенно в своей **эпистемической** (связанной со знанием) и **деонтической** (связанной с долгом) разновидности, естественно примыкают к зоне субъективной модальности. См. о них п.4.1.

Итак, можно различить три сферы модальности в русском языке — объективную, субъективную и иллокутивную. Именно эти три сферы модальности различаются и в целом в языках мира, см., например, [Foley, Van Valin 1984: 214]; в [Le Querler 1996] они называются, соответственно, объективная, субъективная и интерсубъектная.

В отличие от времени, вида или лица, модальность не выражается в русском языке никакой единой грамматической категорией

(наклонение выражает многие модальные значения, но не все). Однако модальность — это одно из важных для русского языка **грамматических значений** (грамматических в типологическом смысле, т. е. потенциально способных обслуживаться грамматикой — не в смысле грамматического значения по Якобсону [Якобсон 1959]; похожее место в русской грамматике занимает, например, определенность): модальность — это элемент «универсального грамматического набора» [Плунгян 2011: 94–95]. Далее речь идет о **русской грамматической модальности**, т. е. о модальности, которая выражается в русском языке грамматически — морфологически или синтаксически.

Что касается значений возможность и необходимость, то в ряде европейских языков глаголы, выражающие возможность и необходимость, называются модальными и относятся к сфере грамматики в силу своих морфологических особенностей, так что выражаемые ими значения причисляются к грамматической модальности автоматически. В русском языке показатели возможности и необходимости морфологически ничем не выделяются (см., впрочем, п.2.4.2). Однако и в русском языке эти слова относятся к сфере грамматической модальности, поскольку они имеют специальные **синтаксические рефлексy**. В частности, показатели возможности и необходимости имплицитно, в некоторых употреблениях, эгоцентрический **модальный субъект**, отличный от подлежащего (в [Плунгян 2011: 435] отмечено, что появление говорящего как субъекта модального показателя свидетельствует о грамматикализации показателя). Другой возможный синтаксический рефлекс лексического модального показателя — **синтаксическая неподчинимость**, см. п.3.2, п.4.2; это тоже основание для того, чтобы считать лексическую единицу с модальным значением объектом грамматики.

Иллокутивные противопоставления в русской грамматической традиции не относят к сфере модальности: они составляют отдельный параметр. Так, в [Грамматика 1960(II): 353–367] повествовательные, вопросительные и побудительные предложения рассматриваются как «классы предложений по цели высказывания». Однако в [Грамматика 1980(I): 215] возможность включения иллокутивных значений в число модальных в принципе не отвергается. (Эти значения включены в число модальных, например, в [Бондарко и др. 1990].) В самом деле, если причислить к сфере модальности объективную и субъективную модальность, то и иллокутивную нужно включить туда же: императив, как и индикатив, — это наклонение, а значение наклонения — это модальное значение, см. ниже п.2.1. См. в [Palmer 1986: 14–23] о связи

наклонения и модальности и в [Lyons 1977: 828] о семантической близости императива и деонтической (см. п.4.1.1) модальности.

В содержании высказывания обычно можно различить модальный показатель и **пропозицию** (см. о пропозиции [Lyons 1977: 452] и обзор в [Падучева 1985: 34–40]) — что примерно соответствует «модусу» и «диктуму» в терминологии Шарля Балли, см. [Балли 1955]. Следует, однако, иметь в виду, что пропозиция может содержать модальный оператор (такой как *возможно* или *нужно*) или предикат пропозициональной установки (типа *желательно*, *жалко*), т.е. быть **модализованной**. Так, во фразе *Ты, возможно, забыл о нашей договоренности?* сферу действия, т.е. диктум, одного модального показателя, вопроса, составляет пропозиция с другим модальным показателем — *возможно*. Термины Балли поэтому не всегда удобны: Балли исходит из того, что модус иерархически выше, чем диктум, а на самом деле диктум (по отношению к какому-то модусу) может сам содержать в себе модус.

В особом положении находятся показатели иллокутивной модальности: они действительно выражают такой модус, который не может входить в диктум, т.е. неподчинимый, см. п.3.2. Так, предложение с *должен*, которое выражает деонтическую модальность, субъективную, подчинимо (*Мама считает, что ты должен ей помочь*), а предложение с императивом, который выражает близкую по смыслу, но иллокутивную модальность, — нет: **Мама считает, что помоги ей* (см. о неподчинимости императива Повелительное наклонение / п.3.3). Иллокутивный показатель не может даже входить в сферу действия отрицания — отрицание при императиве выражает не отрицание в обычном смысле слова, а новый речевой акт (так, *Открой дверь!* — **побуждение**, а *Не открывай дверь!* — **прохибитив**), см. Повелительное наклонение. Впрочем, и здесь есть исключения; о возможной подчинимости иллокутивных показателей см. п.3.5.

Итак, понятийных центров в сфере модальности не два, как иногда считают (ср. [Плунгян 2011: 423]), а три: модальность выражает а) отношение высказывания к действительности; б) отношение говорящего к содержанию высказывания и в) коммуникативную цель высказывания.

Граница между иллокутивной и субъективной модальностью не всегда четкая. Так, ирония — это речевой акт, т.е. иллокутивная модальность; но ирония может быть экспрессивным способом выражения отрицания, а экспрессия — это сфера субъективной модальности. В [Грамматика 1980(II): 216] к сфере субъективной модальности относятся значения типа согласие / несогласие, приятие / неприятие <высказывания собеседника>, одобрение, порицание, осуждение, призыв,

побуждение, предостережение, угроза, непонимание, подчеркивание и т. п., многие из которых следовало бы отнести к иллюкутивной сфере. Скажем, одобрение, и особенно неодобрение, в контекстах *Дался тебе этот мотоцикл!* или *Охота же была тебе жениться!* (примеры из [Шмелев 1958]) — это иллюкутивные значения. Различие следует видеть в том, что в контексте иллюкутивной модальности говорящий выступает прежде всего как субъект речи, **обращенной на адресата**, тогда как в контексте субъективной модальности он только субъект пропозициональной установки, ср. в этом плане пожелание и желание. Однако это различие не всегда легко выявить.

Модальные значения разных типов могут совмещаться, т. е. иметь сферой действия одну и ту же пропозицию. Так, утвердительная иллюкутивность совместима с разными вариантами субъективной модальности, выраженной вводными словами: *Иван, должно быть, в Киеве; Он едва ли вернется* и проч. Вопросительная иллюкутивность совместима с сослагательным наклонением: *Ты пошел бы с ним в разведку?* Это исключает трактовку вопросительности как наклонения в русском языке. Имеются, однако, определенные ограничения совместимости модальных значений из разных сфер, см. об этом п.2.5.

1.2. Модальность и смежные явления: отрицание, оценка, эвиденциальность

Границы семантической сферы модальности проводятся разными учеными по-разному. Остановимся на некоторых значениях, которые близки к модальным, но **не** относятся к ним — по крайней мере, в грамматике русского языка.

Не относится к числу модальных значений **отрицание** (если не считать экспрессивного отрицания, которое входит в сферу субъективной модальности, как в предложении *Охота была мне туда идти!* = ‘нет охоты’). Отрицание — это оператор, который соединяется с самыми разными грамматическими значениями (в том числе с модальными), образуя естественные семантические сочетания. Например, отрицание возможности — это невозможность, отрицание разрешения — это запрет. Категорию, образуемую противопоставлением утверждения и отрицания, называют **полярность** (см., например, [Horn 1989: 157]; [Мельчук 1998: 149]).

К сфере модальности близки слова со значением **оценки**. Разница в том, что модальные значения характеризуют пропозицию в целом, тогда как оценка (обычно по параметру хорошо / плохо) входит чаще в семантику отдельных слов (таких как *умудриться, угораздить,*

психовать, выпендриваться). Это отдельная сфера в семантике естественного языка (преимущественно в лексической семантике), хотя и близко примыкающая к субъективной модальности. См. об оценке [Арутюнова 1998: 130–274].

К сфере модальности примыкает и грамматическая категория **эвиденциальности**, которая выражает источник сведений говорящего о ситуации, или, точнее, путь доступа к сообщаемой информации, см. работы Н. А. Козинцевой в [Храковский 2007b], а также [Aikhenvald 2004]; [Плунгян 2011: 450]. В языках с грамматикализованной эвиденциальностью высказывание о факте, т. е. о событии, которое говорящий сам видел или в котором принимал участие (**прямая эвиденциальность**), грамматически противопоставлено высказываниям с **косвенной эвиденциальностью**, где говорящий основывается на данных, которые ему сообщили (**цитатив**); сообщает результат своих умозаключений (**инферентив**); то, что ему показалось (**имперцептив**) и т. п. В русском языке эвиденциальность не является грамматической категорией, хотя лексические показатели эвиденциальности (главным образом частицы и вводные слова) имеются во множестве, например: *якобы, будто бы, как будто, кажется, видимо, похоже*, см. [Булыгина, Шмелев 1997]; [Храковский 2007a]; [Letuchiy 2008]⁵. Особую роль играют частицы *мол, де* и *декабрь*, «ксенопоказатели» по Н. Д. Арутюновой, связанные с передачей чужой речи, но выражающие комплекс значений, не сводимый к простой цитативности (см., в частности, [Плунгян 2008]; [Падучева 2011b]).

Существует тесная связь между эвиденциальностью и эпистемической модальностью: эпистемическая модальность обычно означает выраженную говорящим неполную степень **достоверности** сообщаемой им информации (см. п.4.1.1), а эвиденциальность маркирует **источники** информации, на которых говорящий основывает свое высказывание, — тем самым частично снимая с себя ответственность за достоверность информации. Оба значения могут выражаться нерасчлененно в одном показателе, но косвенная эвиденциальность сама по себе не подразумевает недостоверности [Храковский 2007a]. В [Palmer 1986] эвиденциальность включена в сферу модальности. В некоторых пунктах эвиденциальность и модальность действительно совпадают, см. в [Плунгян 2011: 366] о том, что эвиденциальное

⁵ Ниже (п.4.4.1) некоторые из перечисленных показателей рассматриваются в ряду средств выражения субъективной модальности, поскольку они многозначны и имеют как упоминаемые тут эвиденциальные, так и модальные употребления.

значение конклюдивность (иначе — презумптивность) — это не что иное, как эпистемическая необходимость. Однако общепринятой можно считать точку зрения, согласно которой эвиденциальность и модальность — это разные категории, между которыми существует тесная связь. См. подробно о связи между модальностью и эвиденциальностью, например, [Макарцев 2014: 40–49].

1.3. Модальность как эгоцентрическая категория

В [Грамматика 1980(II): 214] по отношению к значениям, которые выражаются наклонением, используется термин «**объективная**» модальность. На самом деле семантика наклонения всегда субъективна — в том смысле, что предполагает говорящего субъекта. Для оптативного значения сослагательного наклонения это очевидно: *Было бы сейчас лето!* = ‘я хочу, чтобы сейчас было лето’. Но говорящий присутствует также и в семантике изъявительного наклонения (индикатива). Это демонстрирует известный парадокс Мура, см. [Wittgenstein 1953: 190]. Фраза *Она красива, но я так не считаю* аномальна, поскольку содержит противоречие: первая клауза ‘она красива’ имеет импликацию ‘я считаю, что она красива’, которая противоречит асерции второй клаузы — ‘я так **не** считаю’. Компонент ‘я считаю...’ в семантике утвердительного предложения — это даже больше, чем импликация: это **эпистемическое обязательство** говорящего. Эксплицитное отождествление субъективности в языке с фигурой говорящего субъекта принадлежит Э. Бенвенисту, см. [Бенвенист 1974: 292].

Правда в подчиненной синтаксической позиции субъектом модальности может быть не говорящий. Так, в предложении *Петька мог и соврать* субъект модальности, выраженной модальным глаголом, — говорящий (см. об этом п.4), а в *Иван считает, что Петька мог и соврать* субъект модальности не говорящий, а Иван — подлежащее главного предложения. В самом деле, есть разные **режимы интерпретации** ([Падучева 1986]; [Падучева 1996]), т. е. разные контексты употребления языка: кроме обычного речевого (иначе — диалогического) дискурса есть нарратив и, соответственно, нарративный контекст; есть гипотаксический контекст (т. е. контекст подчиненного предложения). И существуют общие правила **проекции**, согласно которым говорящего могут замещать, в разных коммуникативных контекстах, разные субъекты (см. о проекциях в [Lyons 1977: 579] и, подробно, в [Падучева 2011a]). Правила проекции касаются не одного только модального субъекта, а субъективности в целом.

Подразумеваемый субъект модальности зависит в том числе от типа речевого акта. Например, в вопросе и в ответе субъект может быть разным:

(1) — *Можно* <мне>? — *Можно* <тебе>.

Наличие подразумеваемого модального субъекта может определять границу между грамматической и лексической модальностью, см. об этом в п.4.1.1.

С этими оговорками, можно сказать, что общим для всех явлений из сферы грамматической модальности является участие говорящего: модальность — это **эгоцентрическая** категория. Именно на этом основании из сферы модальности исключено отрицание (см. п.1.2 выше), которое не является эгоцентрической категорией — по крайней мере, в русском языке.

По Палмеру, субъективность является критерием модальности («subjectivity is an essential criterion of modality» [Palmer 1986: 16]). Однако модальность — далеко не единственная эгоцентрическая категория. Другая сфера эгоцентрического — **дейксис**. (Эти две сферы объединены в классической работе Р. О. Якобсона — [Jakobson 1957/1972], которая ввела в обиход более общее понятие **шифтера**.) Третья и четвертая — это уже упоминавшиеся оценка и эвиденциальность. Наконец, есть **коммуникативная структура** (тема-рематическое членение), которая имеет дело с оппозицией известное / неизвестное, тем самым апеллируя к говорящему и слушающему.

Ниже в п.2 содержится краткий обзор модальных значений, выражаемых наклонением (подробно о модальных значениях, выражаемых наклонением, см. Наклонение), — который завершает тему «Модальность и наклонение»; здесь же уточняются границы объективной модальности. В заключение в п.2 приводится таблица сочетаемости трех типов модальности друг с другом. В п.3 речь идет об иллокутивной модальности, в п.4 — о субъективной модальности, в частности о возможности и необходимости, выражаемых модальными глаголами и предикативами.

2. Модальность и наклонение

2.1. Модальность как экстраполированное наклонение

В п.1.1 мы различили три типа модальных значений.

1. Модальность как отношение ситуации к реальному миру (а именно ее реальность или нереальность). Этот тип модальных значений мы

называем, несколько сужая традиционное употребление, **объективной модальностью**, поскольку речь идет об отношениях высказываемого с «объективной» реальностью. Сужение состоит в том, что традиционно все значения, выраженные наклонением, относятся к сфере объективной модальности (см. [Грамматика 1980(II): 214–215]), а в нашем употреблении это не так: оптативное значение сослагательного наклонения (желательность) относится к сфере субъективной модальности (см. п.4.2), а императив вообще к иллюкутивной (см. п.3.3). Иначе говоря, объективная модальность выражается наклонением, но не все значения наклонений принадлежат к сфере объективной модальности.

2. Модальность как отношение говорящего к ситуации — ее желательность, возможность, сомнительность и т. п. Этот тип значений мы назвали **субъективной модальностью**, несколько расширив употребление, традиционное для русской грамматики, а именно включив туда желательность (= оптативность), выражаемую наклонением, а также традиционные категории модальной логики — возможность и необходимость. Речь идет о таких «субъективных» значениях, как психологическая или эпистемическая установка; отсюда синоним — **установочная модальность**.

3. Модальность как коммуникативная цель говорящего: выражение утверждения, побуждения, вопроса. Это **иллюкутивная модальность**.

Как легко видеть, единственное, что есть общего у всех значений, которые мы согласились признать модальными, — это то, что эти или подобные значения выражаются наклонением. Например, раз побуждение (выражаемое императивом) — модальное значение, то и вопрос тоже, поскольку это значение того же рода — иллюкутивное. Раз желательность — модальность, то возможность, необходимость, уверенность, сомнение, удивление тоже модальности, поскольку все это разные отношения говорящего к ситуации. Что же касается объективной модальности, то она только наклонением и может быть выражена. Таким образом, **модальные значения — это значения наклонений, экстраполированные по всем возможным направлениям**.

ПРИМЕЧАНИЕ. Есть распространенная формулировка: «наклонение — это грамматикализованная модальность», см. [Плунгян 2011: 423]. Она имеет право на существование, но скорее можно думать, что эмпирически выявленный набор значений, которые в разных языках выражаются наклонением (см., например, [Добрушина 2012b]), является источником для очерчивания сферы модальности, чем что модальность в каком-то априорном понимании лежит в основе имеющегося набора наклонений. Так, наклонение в русском языке связано с модальностью в логическом смысле (т. е. со значениями ‘возможность’ — ‘необходимость’) только через самое периферийное значение — оптативное.

Проведя семантическую экстраполяцию значений наклонения даже на базе одного лишь русского языка, мы легко сможем увидеть грамматическую модальность за пределами наклонения — в семантике конструкций (см., например, о модальных значениях конструкций с инфинитивом в [Пешковский 1928/2001: 381–383]; [Добрушина 2012a]), вводных слов, частиц и даже в лексической семантике обычных глаголов и предикативов (см., например, о глаголе *мочь* в этом контексте п.4.1.1.1).

По поводу трех типов модальных значений следует сделать ряд уточнений.

1. Противопоставление в рамках объективной модальности не бинарное, как принято считать (см., например, [Урманчиева 2004]), а тернарное: реальность противопоставлена не только ирреальности, т. е. контрфактивности; имеется еще третья возможность — **нейтральность**, когда **отношение ситуации к реальному миру в предложении не определено**: пропозиция употребляется безотносительно к истине. Например, нейтральную объективную модальность имеет пропозиция ‘он приехал’ в некоторых гипотаксических контекстах: *Я думаю, он приехал*; или в контексте вопроса: *Он приехал?* Нейтральная объективная модальность — это то же, что **неверидиктальность** в [Giannakidou 2002].

Отдельно следует рассмотреть модальности пропозиций в условном предложении. В [Плунгян 2011: 429] усматривается в русском языке различие между реальным и нереальным (читай «нереалистичным») условием — оно сводится к вероятности наступления ситуации. Про придаточные условные в примерах (2а) и (2б) говорится, что в (2а) выражено «реальное условие», событие высоковероятное (а скорее — не оценивается по шкале вероятностей); а в (2б) — «нереальное условие», событие маловероятное:

- (2) а. Если <завтра> *пойдет* дождь, мы останемся дома. — б. Если *бы* <завтра> *пошел* дождь, мы бы остались дома.

Следует подчеркнуть, что модальность пропозиции условного предложения в обоих случаях нейтральная. Отличие (2а) от (2б) скорее в том, что (2б) выражает желательность ситуации-условия. Пример (2б) поэтому звучит странно, естественнее было бы сказать, например:

- (3) Если *бы* завтра *было* солнце, мы бы пошли гулять.

Нейтральная модальность пропозиции-условия означает, что ситуация упоминается **безотносительно к реальности**: пропозиция-условие

в (2) и (3) имеет такую же нейтральную объективную модальность, как пропозиция 'он приехал' в контексте *Я думаю, он приехал*. Иное дело предложение (6), пример из [Плунгян 2011: 430], — в нем пропозиция-условие имеет контрфактивную модальность; событие не имело места:

(4) Если *бы* вчера шел *дождь*, мы бы остались дома.

В классификации условных конструкций традиционно выделяется три типа условий: реальное условие, нереальное и контрфактивное. В некоторых языках все они формально противопоставлены, ср. примеры из английского: *if it rains* (реальное условие), *if it rained* (нереальное условие) и *if it had rained* (контрфактивное условие).

В русском языке тоже можно выделить тип предложений нереального условия, см. пример (2б) с сослагательным наклонением в главном и в придаточном, но с содержательной точки зрения такие предложения обычно тяготеют либо к нейтральной, либо к контрфактивной модальности. Только контекст может позволить выразить нереальное (маловероятное) условие⁶. См. Сослагательное наклонение / п.4.2.1.

Что же касается объективной модальности, то реальное условие и нереальное условие не различаются: в обоих случаях модальность нейтральная. Различаются только нейтральная модальность и контрфактивная: первая может быть выражена как изъявительным наклонением (2а), так и сослагательным (2б), вторая — только сослагательным (4).

ПРИМЕЧАНИЕ. В типологической литературе принят термин «истинностный статус пропозиции», см., например, [Noonan 2007]. Фактически это то же, что объективная модальность. Объективная модальность бывает реальная (ср. *Иван болен*), ирреальная (ср. *<Иван делает вид, что> он болен*) и нейтральная (ср. *<Я думаю, что> Иван болен*). А истинностный статус имеет значение истина в первом примере, ложь во втором, и безотносительность к истине в третьем.

Нейтральная и контрфактивная модальность могут быть противопоставлены с точки зрения набора средств выражения не только в условном, но и в относительном предложении (подробнее см. п.2.4.1). Если определяемое слово находится в интенциональном контексте, то модальность в придаточном нейтральная и ее может выражать и сослагательное наклонение, и будущее время, см. (5). А если определяемое слово находится в контексте несуществования,

⁶ См. пример из Корпуса: {Я слышал, что у берегов Антарктиды водится одна очень редкая рыбка, еще ни одному ученому не удалось ее поймать.} Если бы я только смог поймать эту замечательную чудо-рыбку, то был бы просто счастлив! Тогда я стану самым знаменитым ученым. [В. Постников. Приключения Карандаша и Самоделкина на «Дрындолете» (1997)]

то модальность в придаточном контрфактивная, и тогда сослагательное наклонение — это единственная возможность, будущее время исключено, см. (6):

- (5) ...искал человека, который *согласился бы* ему помочь = искал человека, который *согласится* ему помочь;
- (6) а. ...не было человека, который *согласился бы* ему помочь —
б. *не было такого человека, который *согласится* ему помочь.

2. Объективная модальность отличается от субъективной не только по существу, но и, до некоторой степени, способом выражения. Противопоставления в рамках объективной модальности выражаются в русском (и, как кажется, во всех языках) только наклонением. А субъективная, т. е. установочная, модальность чаще выражается специальными операторами установки (глаголом, предикативом, вводным словом, частицей) — такими как *можно*, *нужно* <чтобы>, *желательно* <чтобы> — или конструкциями (например, инфинитивной). Установка может выражаться наклонением, как уже упоминавшаяся желательность, выражаемая сослагательным наклонением в оптативном значении. А объективная модальность, кроме наклонения, не выражается ничем.

Важное различие между объективной и субъективной, т. е. установочной, модальностью состоит также в том, что установок много — все вводные слова, такие как *к счастью*, *пожалуй*, выражают ту или иную установочную модальность. А объективных модальностей всего три. При этом установка при данной пропозиции может присутствовать или не присутствовать в семантике высказывания, а та или иная объективная модальность **обязательно** должна быть выражена при любом финитном глаголе или предикативе. В [Урманчиева 2004] представлены типологические свидетельства в пользу того, что противопоставление реальность — ирреальность может даже образовывать отдельную грамматическую категорию. Однако в русском языке грамматической категорией остается наклонение (в семантику которого входит не только значение реальности / ирреальности в чистом виде), а объективную модальность можно рассматривать всего лишь как одну из трех семантических сфер понятийной категории модальность.

3. К числу модальностей, которые входят в рассмотрение при обсуждении значений наклонения, принадлежит **обусловленность**. Согласно [Плунгян 2011: 428], эту модальность имеет ситуация, обозначающая «возможность, <...> реализация которой зависит от определенного фактора», т. е. условия. Наклонение глагола в предложении, выражающем

условие, может быть как сослагательным, пример (7) — *удалось бы*, так и изъявительным, пример (8) — *получил*:

- (7) Если бы удалось, все было бы намного проще. [Е. и В. Гордеевы. Не все мы умрем (2002)]
- (8) Если Иван получил мое письмо, он знает о случившемся.

В. А. Плуноян рассматривает обусловленность как разновидность объективной модальности, и это оправдано тем, что обусловленность может выражаться наклонением. (В некоторых языках есть особое наклонение, выражающее обусловленность: таковы, например, итальянский и отчасти немецкий кондиционалис, который употребляется в главном, но не в придаточном предложении с союзом условия и выражает именно обусловленность.) Однако в русском языке главную роль в выражении этой модальности играет не наклонение (специального наклонения, которое бы использовалось только в позиции обусловленности, в русском языке нет), а сам по себе контекст условия. Так что обусловленность, т. е. зависимость от условия, отнесена нами к субъективной, установочной модальности. Подробнее о модальности обусловленность, которая составляет одно из значений сослагательного наклонения, см. в п.2.4.

Наклонение глагола в позиции обусловленности может быть сослагательным, как в (7) — *было бы*, или изъявительным, как в (8) — *знает*, — в зависимости от контрфактивности или нейтральности условия. В (8) модальность условия однозначно нейтральная, а предложение (7) неоднозначно: условие, выраженное глаголом в сослагательном наклонении, может быть нейтральным, если относится к будущему, и контрфактивным, если к прошлому. Поэтому неоднозначна и объективная модальность ситуации в главном предложении: она может быть нейтральной или контрфактивная.

Условие может иметь и реальную модальность. В этом случае оно часто оформляется союзом *раз* (хотя и союз *если* не исключен):

- (9) *Раз ты просишь*, я подожду! [А. Алексин. Мой брат играет на кларнете (1967)]

Модальность же ситуации в главном предложении в (9), как и в (8), нейтральная.

Условие (т. е. фактор, от которого зависит реализация возможности) может быть выражено не только условным придаточным, как в (7)–(9), но и множеством других способов — в примере (10) условиями являются *иначе*, *год назад*, *без моего согласия*:

(10) *иначе он бы отказался; год назад он бы так не рассуждал; без моего согласия он бы сюда не явился.*

4. Еще одно уточнение касается иллюкутивной модальности. Помимо двух очевидных неутвердительных иллюкутивных модальностей, вопросительной (*Ушла ли Маша?*) и побудительной (*Уходи, Маша!*), имеется еще третий тип неутвердительности — у пропозиции в синтаксически подчиненной позиции, которая лишена самостоятельной иллюкутивной силы, т. е. имеет **нулевую иллюкутивность**. Такая пропозиция часто имеет нейтральную объективную модальность, как в контексте *<Я думаю, что> Маша ушла*. Однако нулевая иллюкутивность может быть совмещена с объективной модальностью «реальность» — у пропозиции в статусе презумпции или имплицатива, например: *<Мне жаль, что> Маша ушла*.

2.2. Проблема совместимости модальных значений

Одна и та же пропозиция может находиться в сфере действия всех трех модальностей — объективной, субъективной и иллюкутивной. Т. е. возможно, а иногда и обязательно, совмещение модальностей разных типов при одной пропозиции. Тут действуют определенные правила совместимости. Установка (субъективная модальность) может предсказывать выбор одной из объективных модальностей однозначно. Так, вводное *едва ли* порождает у пропозиции в его сфере действия нейтральную объективную модальность (*Едва ли Иван приехал*), а вводное *к счастью* совместимо только с реальной объективной модальностью (*К счастью, Иван приехал*). (В контексте обусловленности, естественно, не так: *К счастью, если вы не трогаете курсора, вы загружаетесь в Windows через 30 секунд*.)

Полной предопределенности, разумеется, нет. Например, хотя установка желательность исключает реальную объективную модальность (см. п.2.4.2), но уже **нежелательность** вполне совместима и с реальной объективной модальностью: *Маше приходится изворачиваться* = ‘Маша изворачивается, и это нежелательно — говорящему и Маше или только говорящему’. Так что в сфере действия установки желательность возможно противопоставление двух значений реальной модальности.

Важнейшее ограничение касается совместимости объективной и иллюкутивной модальности: только утверждение совместимо с реальной объективной модальностью — вопрос и побуждение требуют нейтральной. Совместимости модальностей разных сфер посвящен п.2.5.

Разграничив три сферы модальности, мы можем теперь обратиться к семантике наклонения. Как синонимы традиционных русских терминов изъявительное, сослагательное и повелительное наклонение используются однословные: индикатив, конъюнктив и императив (см. Наклонение).

2.3. Изъявительное наклонение и снятая утвердительность

В своем основном значении индикатив описывает ситуацию как принадлежащую к реальному миру: настоящее время индикатива (в речевом режиме) — как имеющую место в момент речи, прошедшее — как имевшую место до момента речи:

- (11) Солдаты *едут* в кузове батальонного грузовика. Теперь они с необычайной развязностью *говорят* про женщин. [С. Довлатов. Поверх барьеров (1991)]
- (12) — А мы с мужем разошлись. <...> Я сама его бросила. (В. Токарева. Телохраниитель)

Будущее время индикатива описывает ситуацию как такую, которая будет иметь место после момента речи (впрочем, будущее время может выводить ситуацию за пределы реальной модальности, см. ниже).

- (13) Поголовную безграмотность *ликвидируем!* Кухарка *будет управлять* государством! [С. Довлатов. Чирков и Берендеев (1985)]

Индикатив противопоставлен конъюнктиву и императиву, которые не характеризуют ситуацию как реальную.

Предложение с глаголом в индикативе предназначено прежде всего для употребления в высказывании с утвердительной иллюкутивной модальностью, и в этом контексте индикатив означает, что ситуация является реальной, т. е. имеет место. Однако то же предложение может быть вставлено в такие контексты, где индикатив не выражает реальности ситуации. Это контексты **снятой утвердительности** (*suspended assertion, neutralization of assertiveness* по [Weinreich 1963/1970]; [Падучева 1985: 33, 94, 95]; [Падучева 2005]), ср. английский термин **non-veridicality**, например, в [Giannakidou 2002], **неверидиктальность**, т. е. безотносительность к реальности.

В контексте снятой утвердительности семантика индикатива **нейтрализуется**. Так, предложение (14а) имеет утвердительную иллюку-

тивную модальность, и индикатив в этом контексте выражает реальную объективную модальность — означает, что ситуация имеет место. А та же пропозиция в (14б) и в (14в) находится в синтаксически подчиненной позиции, причем подчиняющий предикат (он называется **нефактивным**) обладает свойством снимать реальную объективную модальность подчиненной пропозиции, так что индикатив не выражает реальности ситуации:

- (14) а. Вася живет сейчас в Москве. — б. Я думаю, что *Вася живет сейчас в Москве*. в. Я не думаю, что *Вася живет сейчас в Москве*.

В примере (15) пропозиция выражается придаточным условным; и здесь индикатив тоже не выражает реальности ситуации:

- (15) Если *Вася живет сейчас в Москве*, он тебе поможет.

В [Исаченко 1960: 474 ff.] утверждается, что «индикатив не содержит никаких указаний на реальность или нереальность действия»; т. е. индикатив трактуется как «абсолютно немаркированная категория». С этим нельзя согласиться. Первичная функция индикатива состоит в том, чтобы представлять ситуацию как имеющую место, т. е. как реальную. Требуется специальный контекст, чтобы лишить индикатив этой его функции: в контексте снятой утвердительности пропозиция с глаголом в индикативе имеет не реальную, а **нейтральную** объективную модальность, т. е. употребляется безотносительно к истине. Во многих языках в контекстах типа (14б), (14в) употребляется не индикатив, а конъюнктив.

Нейтральную объективную модальность имеет пропозиция в контексте вопроса и императива — т. е. в контексте вопросительной или императивной, а не утвердительной иллокутивной модальности. Индикативность нейтрализуется также в контексте синтаксического подчинения — в изъяснительном контексте, как в (14а), (14б), в контексте условия, как в (15); а также в контексте обусловленности, как в (16):

- (16) {Если ему приказали вернуться,} он *вернулся*.

Нейтральную объективную модальность выражает индикатив также в контексте операторов установочной (субъективной) модальности, таких как возможность, необходимость, желательность:

- (17) Он, возможно, уже *вернулся*.

Описание значения и употребления вводных слов в п.4.3 во многом опирается на противопоставление реальной и нейтральной

объективной модальности **ассоциированной пропозиции** вводного слова, т. е. пропозиции в сфере действия выражаемой им пропозициональной установки.

Итак, индикатив вне контекста утвердительной иллюкутивной модальности задает ситуацию безотносительно к ее реальности (а пропозицию — безотносительно к истинности). Особый случай — пропозиция в статусе **презумпции** или **импликатива**; такая пропозиция имеет нулевую иллюкутивную силу, но реальную объективную модальность. Так, пропозиция ‘он приехал’ в контексте *Я рад, что он приехал* имеет статус презумпции и ту же реальную объективную модальность, что в контексте *Он приехал*. Статус презумпции может иметь также пропозиция, выраженная нефинитным глаголом или отглагольным именем: *Я рад вас видеть; Я рад вашему приезду*.

Иное дело контексты типа *Я думаю, что он приехал*, где пропозиция ‘он приехал’ не имеет статуса презумпции: тут нулевая иллюкутивная сила нейтрализует индикативность; пропозиция имеет не реальную, а нейтральную объективную модальность.

Снятая утвердительность — это важная модальная характеристика пропозиции. Например, снятая утвердительность определяет набор допустимых контекстов для местоимений на *-нибудь*. Скажем, предложение *Кто-нибудь пришел*, с иллюкутивной силой утверждения, звучит странно — оно требует домысливания какой-то субъективной модальности (например: *Наверно, кто-нибудь пришел*). А в контексте вопроса или императива, т. е. в контекстах снятой утвердительности, местоимение на *-нибудь* нормально: *Кто-нибудь пришел? Спой что-нибудь!* Допустимость местоимения на *-нибудь* позволяет отнести к контекстам снятой утвердительности и будущее время индикатива: *Кто-нибудь вам откроет*.

2.4. Сослагательное наклонение

Сослагательное наклонение, иначе — **конъюнктив**, чаще всего употребляется в синтаксически подчиненной позиции: в условных, целевых, реже определительных придаточных, а также в сентенциальных акантах (см. п.2.4.1) — т. е. в контексте с нулевой иллюкутивностью, и выражает нейтральную или контрфактивную объективную модальность, см. примеры (2), (4) в п.2.1. Как отмечается в [Palmer 1986: 185], во всех языках выбор индикатива или конъюнктива в сентенциальных акантах часто зависит от подчиняющего предиката. Ср. в русском *Я рад, что он согласился* (индикатив) и *Сомнительно, чтобы он согласился* (конъюнктив).

Употребляясь в синтаксически независимой позиции, сослагательное наклонение выражает **желательность** (как оптатив в тех языках, где это наклонение отдельное от конъюнктива) или **обусловленность** (как кондиционалис в языках, где он отличен от конъюнктива, как в итальянском).

2.4.1. Синтаксически подчиненная позиция

Основное назначение сослагательного наклонения в синтаксически подчиненной позиции — выразить нереальную объективную модальность, т. е. **нейтральную** или **контрфактивную**, причем не всегда ясно, какую из двух. Нейтральную объективную модальность конъюнктив выражает в сложном предложении с **сентенциальным актантом** (вводимым союзом *чтобы*):

- (18) Я рад, что меня *не заметили* — индикатив, реальная модальность
- (19) Я старался, *чтобы* меня *не заметили*; Не может быть, *чтобы* он *ошибся* — конъюнктив, нейтральная модальность

Тот же тип модальности выражается конъюнктивом во вводимых тем же союзом **придаточных цели**: *Он спрятался, чтобы его не заметили*.

В **придаточном условном** конъюнктив выражает, как правило, невыполнимое условие (например, такое, которое относится к прошлому) и, соответственно, контрфактивную модальность (о модальности в главной части условного предложения см. в п.2.4.2), подробнее см. Сослагательное наклонение / п.4.2:

- (20) Если *бы* ты тогда *позвонил*, я бы тебе помог.

Русский конъюнктив не различает времен, и если время действия не выражено в контексте, то выполнимость / невыполнимость условия может быть неясна, а тогда неясно, выражает ли конъюнктив нейтральную или контрфактивную объективную модальность — как в придаточном предложении, так и в главном, см. пример (7) в п.2.1 (о главном также подробнее в п.2.4.2).

Конъюнктив может употребляться также в **придаточном относительном**, подробнее см. Сослагательное наклонение / п.4.4. В контексте нереферентной именной группы в главном предложении, когда придаточное описывает свойства объекта, который должен начать

существовать или появиться в поле зрения, конъюнктив выражает нейтральную модальность (подчеркнуты глаголы, которые порождают нереферентность определяемого имени):

- (21) Я пытался создать фонд, который *бы поддерживал* умных людей. [«Русский репортер» (2011)]
- (22) Валька тотчас искал причину, которая *бы сделала* похвалу незаслуженной. [А. Алексин. Сигнальщики и горнисты (1985)]

Контекст нереферентности имени в главном предложении, который лицензирует конъюнктив в придаточном, может создаваться отрицанием:

- (23) а. Обнаружились факты, которые *подтвердили* его правоту.
б. Не обнаружилось фактов, которые *подтвердили бы* его правоту.

В самом деле, если убрать отрицание в главном предложении в (23б), конъюнктив в придаточном определительном окажется неуместен:

- (24) **Обнаружились* факты, которые *подтвердили бы* его правоту.

Аналогично в примере (25) — при наличии отрицания, как в (25а), возможен и индикатив, и конъюнктив, но без отрицания, в (25б), конъюнктив неуместен:

- (25) а. Не было таких фотографов, которые *удержались / удержались бы* от монтажа, когда засовывали карточки в альбом.
б. Были такие фотографы, которые *удержались / *удержались бы* от монтажа, когда засовывали карточки в альбом.

Конъюнктив в придаточном относительном станет, однако, возможен, если поместить предложение в контекст условия — конъюнктив в этом случае будет выражать не нейтральную объективную модальность, а субъективную модальность обусловленность, ср. невозможное (24) и нормальное (26):

- (26) *Обнаружились* факты, которые *подтвердили бы* его правоту, если *бы были* предъявлены вовремя.

Условие может быть тривиальное, например, в (27) — ‘если бы она тут была’:

- (27) Жаль, что уехала Маша, которая *бы* нам сейчас очень *помогла*.

Значение обусловленности возникает у сослагательного наклонения в (27) в определительном придаточном, т. е. в синтаксически подчиненной позиции; в п.2.4.2 мы рассмотрим его же в синтаксически независимой позиции.

2.4.2. Синтаксически независимая позиция

В независимом предложении сослагательное наклонение может выражать **оптативное** значение (которое относится к сфере субъективной модальности, см. также п.4.2), а именно означать, что ситуация представляется говорящему желательной:

- (28) Если *б* он *знал*, как тяжело у меня на душе! [Ю. Трифонов. Дом на набережной (1976)] = ‘я хотел бы, чтобы он знал’
- (29) *Было бы* сейчас лето!

В примерах (30), (31) говорящий представляет ситуацию не столько как желательную, сколько как составляющую главное (или единственное) условие для достижения какой-то естественной, желанной цели:

- (30) Там их навалом. *Были бы* деньги! = ‘главное, чтобы были деньги’
- (31) А может, не так уж и сложно начать изменения? *Было бы* реальное желание. [С. Шаргунов. Изношенная страна (2011)]

Это значение часто возникает в контексте, который отвергает неглавное условие:

- (32) Щи оставит — когда разогрею, а когда холодные кушаю, без аппетита. — Подумаешь, дело — разогреть! *Были бы* щи. [И. Грекова. На испытаниях (1967)]

Значение конъюнктива в (30)–(32) можно тоже охарактеризовать как оптативное.

Второе значение, которое выражает конъюнктив в независимом предложении, — это значение **обусловленности**: говорящий ставит возможность наступления ситуации в зависимость от некоторого условия. Условие может быть выражено самыми разными способами. Важно, что конъюнктив обусловленности, как и желательности, возможен в синтаксически независимом предложении, притом в контексте утвердительной иллюкутивной модальности. Например, в главной части сложноподчиненного предложения с придаточным условным.

В примерах ниже подчеркнуто условие, а конъюнктив обусловленности выделен курсивом.

(33) Он *бы* лучше проявил себя, если бы оказался на моем месте.

(34) Ты *не стал бы* огорчаться в подобной ситуации.

Так, в (34) *в подобной ситуации* = ‘если бы возникла подобная ситуация’.

В (35) конъюнктив глагола выражает обусловленность, а условие обозначено инфинитивом:

(35) *Было бы* неправильно связывать напрямую уровень рекламных расходов с уровнем продаж. [«Рекламный мир» (2003)] = ‘если бы мы связывали, это было бы неправильно’

Условие может подразумеваться, причем не всегда ясно, какое именно.

(36) Подарков было столько, что *хватило бы* и на вас.

(37) Отец *был бы* доволен твоими успехами.

Значение объективной модальности в контексте обусловленности и в оптативном контексте нереальное. Это может быть как нейтральная модальность, так и контрфактивная. Ср. примеры (38) (а также (7) в п.2.1) на обусловленность и примеры (39) на желательность.

(38) а. Если бы ты завтра пришел пораньше, мы *бы успели* поговорить — обусловленность + нейтральная модальность

б. Если бы ты вчера пришел пораньше, мы *бы успели* поговорить — обусловленность + контрфактивная модальность

(39) а. Что *бы* тебе ей *позвонить!* — желательность + нейтральная модальность

б. Что *бы* тебе вчера ей *позвонить!* — желательность + контрфактивная модальность

В примере (40) модальность, выражаемая конъюнктивом, неоднозначна:

(40) Вот *подружился бы* ты с ними, и скучать *бы не пришлось*.

Интересно, что у ситуации, отнесенной к будущему, модальность может быть не только нейтральная, что естественно для ситуации в будущем, см. (41а), но и контрфактивная, см. (41б).

- (41) а. Если бы ты меня заранее предупредил, я *бы* к тебе завтра *пришел*.
б. Если бы меня не предупредили, что ты уезжаешь, я *бы* к тебе завтра *пришел*.

Фраза (41а) совместима с продолжением *А так не уверен*: очевидно, речь идет о намерении говорящего; а в (41б) ситуация ‘я к тебе завтра приду’ контрфактивная: поскольку предупредили, не приду.

Те же две возможности в примере (42) — если *не пускает*, то ситуация ‘я к тебе приду’ остается как намерение, а если *не пустила*, то она является контрфактивной:

- (42) Я *бы* к тебе *пришел*, но мама не пускает / не пустила.

В (43) объективная модальность ситуации-условия может быть и нейтральная, и контрфактивная, а в главном однозначно нейтральная, поскольку оно вопросительное:

- (43) А что *бы* вы *сделали*, если *бы* *выиграли*? [А.П. Чехов. Иванов (1887)]

Особое значение имеет конъюнктив **в контексте глагола *мочь*** — он выражает обусловленность, не предполагая сколько-нибудь нетривиального условия, и может быть представлен как результат выветривания значения обусловленности:

- (44) Я *могла бы* вам помочь \approx Я *бы* вам *помогла* <если нужно> \approx Я *могу* вам помочь.

Аналогично **в контексте глаголов желания и перформативных конъюнктив** выражает просто смягчение категоричности:

- (45) ...начать я *хотел бы*, конечно, с экономики. [«Дипломатический вестник» (2004)]

- (46) Ты нездорова, душа моя? Я *бы посоветовал* тебе прилечь, право... [И. С. Тургенев. Месяц в деревне (1850)]

В контексте **предиката деонтической необходимости** (о необходимости см. п.4.1.1) сослагательное наклонение тоже смягчает необходимость, а то и отменяет ее. Союзы *но*, *да* и эквивалентная им бессоюзная конструкция вводят аргумент, который оправдывает нарушение обязательства:

- (47) ...писать *не надо бы*, но все-таки пишу, потому что это думаю сейчас (Л. Н. Толстой)

- (48) ...сообщить-то *надо бы*, но времена наступили такие, что и не знаешь: куда сообщить? [И. Муравьева. Филемон и Бавкида (1995)]
- (49) *Надо б* лампочку повесить — денег все не соберем (Б. Окуджава)

В примере (50) глагол *следовать* употреблен в сослагательном наклонении, хотя приведенное обоснование необходимости признать выборы недействительными (многочисленные нарушения) скорее требует индикатива. То *но*, которое должно было бы вводить аргумент, смягчающий необходимость, опущено. Предложение синтаксически безупречно только потому, что *бы* стоит при глаголе с модальной семантикой:

- (50) <...> в силу многочисленных нарушений на выборах мэра Жуковского их *следовало бы* признать недействительными. (ria.ru/politics)

ПРИМЕЧАНИЕ. Условие, в отличие от обусловленности, не выражается в русском языке сослагательным наклонением: условие выражается условным союзом — или бессоюзием. Наклонение в придаточном условном выражает (при этом не однозначно) только возможность или ирреальность той ситуации, которая составляет условие:

- (51) Кончил дело — *уйди*; Если кончил дело, *можешь уходить* — реальное условие
- (52) Кончил *бы* дело — *ушел бы* — нереальное условие
- (53) Если *бы* ты кончил дело, *мог бы уйти* — неоднозначность

В примере (54) сослагательное наклонение выражает **ВОЗМОЖНОСТЬ** (сфера установочной модальности). Это значение возникает в контексте определенной конструкции — существенно 1-е лицо, лексический класс глагола (глаголы речи и мнения) и наличие отрицания:

- (54) Не *сказал бы*, что она красива = ‘не могу сказать, что она красива’

Еще одно конструктивно обусловленное значение сослагательного наклонения — **побуждение**, из сферы иллюкутивной модальности, см. п.3.3:

- (55) Не *путался бы* ты, Федя, под ногами! [П. П. Бажов. Широкое плечо (1948)]

О независимых предложениях с сослагательным наклонением см. также Сослагательное наклонение / п.4.1.

2.5. Совместимость модальностей разных типов

Таблица ниже демонстрирует совместимость модальных значений разных типов. Столбцы соответствуют объективной модальности — значениям реальность, нейтральность, контрфактивность. Строки соответствуют иллюкутивной модальности — утвердительная модальность противопоставлена неутвердительной, т. е. модальности вопроса и побуждения, и нулевой: у синтаксически подчиненной пропозиции нет никакой иллюкутивной силы (см. п.3). Кроме того, пропозиция может содержать или не содержать показатель субъективной модальности (сокращенно — С-модальности, см. п.4).

Утвердительная иллюкутивная сила совместима с реальной модальностью как при наличии, так и при отсутствии С-модальности (ср. *Он, к счастью, решил задачу* и *Он решил задачу*), а с нейтральной модальностью своего главного предиката утвердительность совместима только при наличии в пропозиции того или иного показателя субъективной модальности — оптатива (*Решил бы он хоть одну задачу!*), показателя обусловленности (*В другое время он решил бы эту задачу*), возможности (*Он, может быть, решил задачу*) и т. п. Напротив, иллюкутивная сила вопроса и побуждения совместима только с нейтральной объективной модальностью, а к наличию / отсутствию С-модальности безразлична. С контрфактивной модальностью утвердительная иллюкутивная сила несовместима.

В позиции синтаксического подчинения, т. е. при нулевой иллюкутивной силе, возможны все три варианта объективной модальности. Во-первых, в контексте фактивного глагола нулевая иллюкутивная модальность совместима с реальной объективной модальностью. Во-вторых, различаются нейтральность и контрфактивность, ср. (56) и (57):

- (56) Если бы завтра *было* солнце, {мы пошли бы купаться} — конъюнктив выражает нейтральную модальность условия
- (57) Если *бы* он тогда *решил* эту задачу, {учился бы сейчас в университете} — конъюнктив выражает контрфактивное условие

Из Таблицы 1 видно, что ту или иную объективную и иллюкутивную модальность пропозиция должна иметь обязательно, причем только одну; в то время как наличие субъективной модальности факультативно.

Модальности, которые могут быть выражены финитным глаголом или предикативом, такие как возможность и необходимость, занимают

Таблица 1. Возможности совмещения модальностей разных типов

	Реальность	Нейтральность	Контрфактивность
I. Утвердительная иллюкутивная модальность (модальность пропозиции с глаголом в индикативе или в сослагательном наклонении в главном предложении)	а) Нет С-модальности <i>Он решил задачу.</i> б) С-модальность <i>Он, к счастью, решил задачу.</i>	а) Нет С-модальности <i>Решил бы он хоть одну задачу!</i> б) С-модальность <i>Он, может быть, решил задачу. Он едва ли решил задачу. Хороший уж筋 нам бы не помешал. В другое время он решил бы эту задачу</i>	а) Нет С-модальности б) С-модальность <i>{Если бы он тогда решил эту задачу,} учился бы сейчас в Университете.</i>
II. Неутвердительная иллюкутивная модальность II.1. Вопрос	—	а) Нет С-модальности <i>Решил ли он хоть одну задачу?</i> б) С-модальность <i>Может быть, он решил задачу? Ты решил бы такую задачу?</i>	—
II.2. Побуждение	—	а) Нет С-модальности <i>Реши хоть одну задачу!</i> б) С-модальность <i>Помоги ему, если он попросит!</i>	—
III. Нулевая иллюкутивная модальность (для синтаксически подчиненной пропозиции, которой не соответствует никакая отдельная иллюкутивная смыл)	а) Нет С-модальности <i>Я рад, что он решил эту задачу.</i> б) С-модальность <i>Они еще не понимают, что игра, к сожалению, проиграна.</i>	а) Нет С-модальности <i>Я думаю, что он решил эту задачу. Не думаю, чтобы он решил эту задачу. Если он решил эту задачу, он молодец. Идут человека, который решил бы эту задачу.</i> б) С-модальность <i>Пришли люди, которые решили бы эту задачу, если бы им дали время.</i>	а) Нет С-модальности <i>Если бы он тогда решил эту задачу,} учился бы сейчас в Университете}. б) С-модальность <i>{Не нашлось бы гения,} который решил бы тогда эту задачу.</i></i>

особое место (см. п.4.1). Например, подобные модальные показатели сами могут иметь сослагательное наклонение (ср. *может* и *мог бы*; *должен*, *должен бы* и *должен был бы*; *кажется* и *казалось бы*) — хотя и в особом значении, см. п.2.4.2.

3. Иллокутивная модальность

3.1. Грамматическая иллокутивность: повествовательные, побудительные и вопросительные предложения

Дж. Остин [Austin 1962] привлек внимание философов — а потом и лингвистов — к тому, что, делая то или иное высказывание, человек иногда не просто описывает некоторое положение вещей, а совершает определенное действие — **речевой акт**: спрашивает, просит, обещает, благодарит, предупреждает, угрожает и т.д. В теории речевых актов (см. [Austin 1962]; [Searle 1969] и краткий обзор в [Lyons 1977: 725–786]; [Падучева 1985: 16–47]; [Демьянков 1986]) характеристика высказывания с точки зрения совершаемого с его помощью действия называется **иллокутивной силой** высказывания. Иллокутивным силам соответствуют **иллокутивные модальности**.

В грамматиках разных языков различается три типа предложений по цели высказывания, которую ставит перед собой говорящий: **повествовательные** (иначе — утвердительные, или ассертивы), **побудительные** (императивы) и **вопросительные** (интеррогативы), см. [Грамматика 1960(II): 353–367], а также [Lyons 1977: 745–753]; [Palmer 1986: 23–32]; об императивах — [Храковский, Володин 1986]. Соответственно, имеются три **иллокутивных типа предложений** и три **грамматических иллокутивных модальности** — **ассертивная, побудительная** и **вопросительная**. Грамматическая — значит обязательная: каждая пропозиция либо находится в сфере действия одной из этих трех иллокутивных модальностей, либо имеет **нулевую иллокутивность** — как это бывает у синтаксически подчиненной пропозиции, см. п.2.4.1.

Изывительное наклонение входит в оппозицию с сослагательным по линии объективной модальности (см. п.2) и с императивом — по иллокутивной линии. В рамках первой оппозиции оно выражает значение реальность, в рамках второй — утвердительность (иначе — ассертивность).

Иллокутивная модальность, так же как объективная, грамматически обязательна. Этим она отличается от субъективной модальности — которая не обязательна (хотя и названа выше грамматической, поскольку имеет синтаксические рефлексy, см. п.1.1). Так, в предложении *Вася, кажется, живет в Москве* есть субъективная модальность неуверенности, а в предложении *Вася живет в Москве* она просто отсутствует, а не является нулевой.

Объективная модальность тесно связана с иллокутивной: вне контекста утверждения пропозиция не имеет истинностного значения, т. е. ни реальной, ни ирреальной объективной модальности (исключение — реальная модальность пропозиции в контексте фактивного предиката: *Я рад, что Вася живет в Москве*). Именно этот аргумент в пользу включения иллокутивных различий в понятийную сферу модальности приводится в [Palmer 1986: 32]. Утвердительная иллокутивность (т. е. ассертивность) — необходимое условие для того, чтобы пропозиция с глаголом в индикативе была соотнесена с реальностью, т. е. обозначала ситуацию реального мира. (См. в [Lyons 1977: 750] и [Черч 1960: 357] об операторе утвердительности, который, по Фреге, необходим для того, чтобы показать, что пропозиция утверждается, а не просто вводится в рассмотрение.) Пропозиция в составе побудительной или вопросительной иллокутивной модальности имеет **нейтральную** объективную модальность, т. е. по параметру истинного статуса имеет значение безотносительность к истине (см. п.1.1 и п.2.3).

Итак, имеется три грамматических иллокутивных типа предложений: ассертивы, императивы, интеррогативы; в подчиненной синтаксической позиции пропозиция может иметь нулевую иллокутивность — это случай, когда самостоятельная иллокутивная сила отсутствует. На формальном уровне противопоставление ассертива и императива выражается формой глагола: форма индикатива выражает одновременно ассертивность (так же, как, например, форма лица, числа и времени глагола выражает одновременно финитность, будучи противопоставлена формам причастия и деепричастия). Интеррогативность выражается вопросительными местоимениями, частицей *ли*, порядком слов и просодией. Нулевая иллокутивность выражается синтаксическим контекстом, который снимает иллокутивность.

В [Пешковский 1928/2001: 392] в отдельный иллокутивный тип выделены **восклицательные** предложения. Некоторые восклицательные предложения используют специальные **эксclamативные**

конструкции (типа *Какой у нее голос! Люди так невнимательны!*), ср. об экскламативах [Зевахина 2011]. При трехчленном грамматическом делении предложения с экскламативными конструкциями трактуются так же, как, например, предложения с глаголом в оптативном значении сослагательного наклонения (типа *Была бы сейчас весна!*) — как имеющие субъективную модальность того или иного типа. Тем самым с точки зрения грамматической иллокутивности восклицательное предложение представляется как утвердительное, вопросительное или побудительное, но включающее тот или иной показатель субъективной модальности.

Экскламативные конструкции имеют свой синтаксис (пример из [Зевахина 2011]: *Как она необыкновенно хороша!* допустимо, а **Как она очень хороша!* — нет), но семантически полностью укладываются в сферу субъективной модальности.

На базе каждого из трех грамматических иллокутивных типов могут строиться **частные иллокутивы**, т. е. предложения, предназначенные для того или иного **речевого акта**, см. [Падучева 1996: 297–320]. При этом возможны переходы из ассертивного типа в интеррогативный; из интеррогативного в императивный и ассертивный.

3.2. Ассертивный иллокутивный тип и частные иллокутивы на базе ассертивов

Повествовательное предложение с изъявительным наклонением глагола предназначено для употребления в контексте речевого акта утверждения, обычно — сообщения:

(58) В комнате холодно.

Однако эта иллокутивная сила выражается семантикой индикатива не однозначно. Так, предложение (58) может употребляться как отдельное высказывание — как утверждение, а может входить в состав сложного, см. (60), и тогда оно не утверждается — говорящий не несет ответственности за его истинность, иллокутивная сила пропозиции нулевая. Частица *правда* строит на базе предложения (58) вопросительное предложение, в котором говорящий выражает желание услышать подтверждение своего мнения (см. о т. н. tag-questions в [Wierzbicka 1987]):

(59) В комнате холодно, *правда?*

Однозначный иллокутивный показатель характеризует предложение как законченное высказывание, предназначенное для использования в определенном речевом акте. Предложение с однозначно выраженной иллокутивной модальностью обычно **синтаксически неподчинимо**, т. е. не может быть составной частью более сложного предложения. (В английской терминологии синтаксической неподчинимости примерно соответствует термин *main clause phenomenon*, см. [Green 1996]; [Падучева 1996: 297]. См. о *main clause phenomena* в типологическом ракурсе [Aelbrecht et al. 2012].) Так, предложение (59) своей структурой предназначено на роль отдельного высказывания и не может быть частью другого предложения. В (60) клауза (59) не составляет синтаксического компонента: сферой действия частицы *правда* уже не является клауза *в комнате холодно* — (60) понимается как ‘правда ли, что Иван это говорит?’:

(60) Иван говорит, что в комнате холодно, правда?

Есть ряд конструкций, в которых так или иначе выражена идея о том, что данное высказывание надо понимать иронически, т. е. в значении, противоположном буквальному (см. [Падучева 1996: 304]):

(61) Есть чему завидовать! Нашел, чему радоваться! Охота была ему жениться! Много ты понимаешь! Так он и будет тебя дожидаться! Так я и пошел! Велика важность надворный советник! (Н. В. Гоголь)

Высказывание при этом имеет экспрессивную окраску и синтаксически неподчинимо — в гипотаксическом контексте иронический смысл утрачивается, т. е. иллокутивная сила иронии пропадает:

(62) Но память еще и еще раз подтверждает, что *есть чему завидовать*. [С. А. Семенов. Предварительная могила (1924)]

Предложения (59), (61) неподчинимы, поскольку в них однозначно выражена предназначенность к конкретному речевому акту — встроенность в диалогический контекст, см. соображения по этому поводу в [Арутюнова 1999: 409].

Предложения (63), (64) неподчинимы потому, что выражают речевой акт осуждение:

(63) Дался ему этот мотоцикл!

(64) Охота же ему было жениться!

На базе ассертивного типа строится речевой акт (т.е. иллокутив) угрозы (см. о нем [Летучий 2007]), см. (65). Предложение становится, в силу своей структуры, неподчинимым, но по своему грамматическому иллокутивному типу остается ассертивным:

(65) Ты у меня попляшешь!

Впрочем, однозначное иллокутивное предназначение — не единственный источник неподчинимости: неподчинимость может быть следствием однозначно выраженной другой модальности — субъективной, см. п.4.4.2.

3.3. Императивный иллокутивный тип и частные иллокутивы на базе императива

3.3.1. Речевые действия и перформативные глаголы

Теория речевых актов началась с обнаруженных Дж. Остином **перформативных** предложений — предложений с **перформативными глаголами**, такими как *просить, требовать, обещать, предсказывать, советовать, разрешать* (прежде всего — в форме 1-го лица настоящего времени). См. о перформативных предложениях в русском языке [Падучева 1985: 31–37]; [Апресян 1986]. Это предложения, повествовательные по форме, но обладающие тем свойством, что построенное с их участием высказывание не **описывает** соответствующее действие, а равносильно самому его осуществлению. Так, высказывание *Обещаю тебе прийти в семь* есть уже обещание; *Прошу тебя прийти в семь* — просьба, *Советую тебе прийти в семь* — совет и т.д.

Про высказывание с глаголом в императиве заранее было ясно, что это не просто сообщение информации, а определенное речевое действие — побуждение. Открытие Дж. Остина состояло в том, что речевое действие может быть осуществлено также с помощью предложения, по форме повествовательного, — если оно содержит перформативный глагол в определенной форме. Однако не только в этом. Перформативы необычайно расширили представления лингвистов о том, **какие** действия можно совершить с помощью речи; т.е. о том, как на самом деле **много** таких действий.

Вот некоторые классы перформативных глаголов (и, соответственно, классы речевых действий), выделенные в [Austin 1962: 150].

I. **Декларативы**, т.е. глаголы **утверждения**: *утверждать, отрицать, подчеркивать, сообщать, отвечать, возражать, соглашаться,*

отказываться, называть, заявлять, спрашивать и др.; сюда же, по-видимому, относится *предупреждать*.

II. **Директивы**, т.е. глаголы **побуждения**, например: *просить, предлагать, требовать, приказывать, советовать*.

III. **Комиссивы**, т.е. глаголы **обязательства**, например: *приглашать, обещать, предлагать* <напр., *руку и сердце*>, *гарантировать, клясться* — позволяют строить высказывания, которые к чему-то обязывают говорящего.

IV. **Бехабитивы**, например: *извиняться, поздравлять, благодарить, сочувствовать, приветствовать, протестовать, благословлять, осуждать, желать, проклинать*, — которые обозначают акты социального поведения.

V. **Экзерситивы**, например: *назначать, приговаривать, отзывать* <напр., *посла*>, *увольнять, предоставлять* <напр., *общезитие*>, *распускать, зачислять, исключать, осуждать* <на *срок*>, *упразднять, голосовать*. Высказывание с экзерситивом может быть действием, только если субъект (говорящий) наделен соответствующими полномочиями. Например, *Объявляю собрание открытым!* уместно только в устах председателя.

Итак, **перформативное высказывание** — это определенный речевой акт (т.е. речевое действие), и глагол в нем является показателем иллокутивной модальности. **Перформативный глагол** (перформатив) — это лексический иллокутивный показатель; однако перформативность входит в сферу грамматической модальности, поскольку перформативы обнаруживают определенные семантико-синтаксические рефлексy. В каком-то смысле перформатив подобен императиву: императив, который однозначно выражает иллокутивную силу независимого высказывания, синтаксически неподчиним (см. Повелительное наклонение / п.3.3), а перформативное предложение хоть и подчинимо, но в подчиненной позиции утрачивает свою специфику. Так, предложение *Обещаю этого не делать* — это обещание: говорящий берет на себя обязательство; а в контексте *Я сказал, что обещаю этого не делать* прагматика обязательства утрачивается.

Другая особенность перформативного высказывания состоит в том, что оно **самоверифицируемо** — истинно в силу самого факта произнесения. В отличие от императива или интеррогатива, которые имеют нейтральную объективную модальность, перформативное высказывание автоматически верифицируется как истинное. Перформативность составляет особую сферу иллокутивной модальности.

3.3.2. Побудительные речевые акты. Три примера

Каждому перформативному глаголу соответствует речевой акт (определенного типа), причем во многих случаях этот речевой акт может быть выражен не только данным глаголом, но и множеством других способов. Каждый речевой акт — это отдельная иллокутивная сила, т. е. отдельная иллокутивная модальность. Речевых актов очень много; их описание выходит за рамки грамматики. Ниже представлены как образец три речевых акта, относящиеся к классу побудительных: просьба (п.3.3.2.1), предложение (п.3.3.2.2) и требование (оно же — распоряжение / приказ, п.3.3.2.3).

Дж. Серль [Searle 1969] описывает речевые акты через **условия успешности** (ср. **условия истинности**, к которым сводится семантика предложения в логически ориентированных теориях семантики, например, в формальной семантике [Partee 2010]). Ниже семантика речевых актов представлена в том формате, который принят в [Wierzbicka 1991: 197–254]. При описании способов выражения побудительных речевых актов в русском языке использовалось учебное пособие [Лысакова, Веселовская 2008]; см. также [Храковский, Володин 1986].

3.3.2.1. Речевой акт просьба

Толкование

Я прошу тебя сделать X =

Я говорю: я хочу, чтобы ты сделал X;

это хорошо для меня;

я говорю это потому, что хочу, чтобы ты сделал X;

я считаю: ты не обязан делать X;

я не знаю, сделаешь ли ты X или нет.

Способы выражения

1. Глагол в императиве; форма императива выражает просьбу обычно в сочетании с тем или иным «показателем вежливости» — иначе нет возможности отличить просьбу, например, от требования (по крайней мере, без участия интонации):

(66) *Пожалуйста (будьте добры / если Вас не затруднит), дайте мне эту книгу!*

2а. Общевопросительная конструкция с глаголом будущего времени СВ во 2-м лице, с отрицанием или без отрицания; с частицей *ли* или без нее; *ли*-вопрос употребляется в значении просьбы только в отрицательной форме, но и в вопросе без *ли* отрицательная форма

предпочтительна. Вопрос с *ли* и отрицанием интерпретируется только как просьба:

- (67) Ты *не дашь* мне эту книгу на два дня? Ты *дашь* мне эту книгу на два дня?
- (68) *Не дашь ли* ты мне эту книгу на два дня?

2б. Общевопросительная конструкция с модальным глаголом *мочь* в изъявительном или сослагательном наклонении, с отрицанием или без отрицания + инфинитив:

- (69) Вы *не можете дать* мне эту книгу? Вы *можете дать* мне эту книгу?
- (70) Вы *не могли бы дать* мне эту книгу? Вы *могли бы дать* мне эту книгу?

При сослагательном наклонении более естествен другой порядок слов:

- (71) *Не могли бы* Вы *дать* мне эту книгу?

Опять-таки, *ли*-вопрос однозначно выражает просьбу при отрицательной форме глагола, а при положительной может оставаться вопросом:

- (72) *Не можете ли* Вы *дать* мне эту книгу?

3а. Конструкция с глаголом *просить* в настоящем времени в 1-м лице или с существительным *просьба* + инфинитив или оборот с *чтобы* или глагол СВ в императиве:

- (73) Я *прошу* Вас *дать* мне эту книгу / *чтобы* Вы *дали* мне эту книгу / *дайте* мне эту книгу.
- (74) У меня к Вам *просьба*: *дайте* мне эту книгу / *не дадите ли* мне эту книгу.
- (75) В письме *просьба указать*: «Конкурс — сюжеты в облаках». [«Наука и жизнь» (2008)]

Глагол НСВ *просить* и СВ *попросить* не равнозначны; *попросить* в изъявительном наклонении выражает скорее не просьбу, а требование (о требовании см. п.3.3.2.3):

(76) Я попрошу Вас остаться.

Наряду с глаголом *просить* может быть использован синонимичный оборот *обращаться с просьбой*:

(77) Я обращаюсь к Вам с просьбой дать мне эту книгу.

(78) Я обращаюсь к Вам с просьбой: *дайте* / *не дадите* ли мне эту книгу.

Местоимения, и 1-го и 2-го лица, как правило, можно опустить.

3б. Конструкция с глаголами *просить* и *попросить* в сослагательном наклонении + инфинитив или оборот с *чтобы* или глагол СВ в императиве:

(79) Я (но)просил бы Вас *дать* / *чтобы* вы дали мне эту книгу!

3в. Конструкции с глаголами *хотеть*, *хотеться* в изъявительном и сослагательном наклонении + *попросить* + инфинитив или оборот с *чтобы* или глагол СВ в императиве:

(80) Я хочу (хотел бы) *попросить* Вас *дать* мне эту книгу! / *чтобы* вы дали мне эту книгу!

(81) Мне хочется (хотелось бы) *попросить* Вас *дать* мне эту книгу! / *чтобы* вы дали мне эту книгу!

4а. Конструкции с глаголами *разрешить*, *позволить* в императиве + инфинитив:

(82) *Разрешите* / *позвольте* мне *взять* эту книгу!

4б. Вопросительные конструкции с *разрешить*, *позволить*, *мочь*, *можно* + инфинитив (обычно СВ) или глагол в будущем времени:

(83) Вы (не) *разрешите* мне *взять* эту книгу?

(84) Я *могу* / *Могу* ли я / *Не могу* ли я / *взять* эту книгу?

(85) *Можно* мне *взять* эту книгу?

(86) *Можно* я *возьму* эту книгу?

Конструкции с глаголом *разрешить* и их синонимы выражают просьбу о разрешении сделать что-либо. Просьбой о разрешении может быть обычный вопрос: *Я пойду?* = 'я могу уйти?'

Как известно, речевые акты различаются набором допустимых реакций. Так, возможной реакцией на просьбу разрешить является **разрешение**, которое может быть выполнено многими способами — глаголом *разрешить*, глаголом *мочь* в значении деонтической возможности (см. п.4.1.1), а также идиоматически: *Валяй; Давай; Конечно; Пожалуйста; Да ради бога*. С другой стороны, реакцией на просьбу может быть **отказ**, который тоже может быть выражен разными способами, в частности, такими иллокутивами, как *Обойдешься! Перебьешься! Отстань! Отвали!* (см. [Кустова 2012]). Просьба отличается от требования (см. п.3.3.2.3) тем, что отказ адресата выполнить просьбу не влечет отрицательных для него последствий.

Участие вопросительных конструкций в выражении просьбы коррелирует с компонентом ‘Я не знаю, сделаешь ли ты X или нет’ в толковании речевого акта просьбы, ср. отсутствие вопросительных конструкций в числе способов оформления речевого акта приказа.

Вводные показатели вежливости в русском языке совместимы только с просьбой, выраженной императивом, хотя в английском, например, они возможны также в контексте вопросительных конструкций, ср. *Will you, please, open the window* и **Ты не откроешь, пожалуйста, окно?* Впрочем, в скором времени *Можете мне, пожалуйста...* станет, по-видимому, и русской нормой.

3.3.2.2. Речевой акт предложение

Толкование

Я предлагаю Вам сделать X =

Я побуждаю Вас сделать действие X, которое в ваших интересах; или вас вместе со мной сделать действие X, которое в ваших интересах; или готов сам сделать действие X, которое в ваших интересах.

Согласно [Wierzbicka 1991], в семантику иллокутивной силы **предложение** входит семантический компонент ‘Я думаю, ты можешь захотеть сделать X или чтобы я сделал X (вместе с тобой / для тебя)’.

Способы выражения

1а. Конструкция с глаголом *предлагать, предложить* в изъявительном наклонении и с существительным *предложение* + инфинитив или *чтобы*:

- (87) *Я предлагаю Вам посмотреть этот фильм / чтобы Вы посмотрели этот фильм.*
- (88) *У меня к Вам предложение посмотреть этот фильм.*

1б. Конструкция с глаголом *предложить* в сослагательном наклонении:

(89) Я бы предложил Вам посмотреть этот фильм / чтобы Вы посмотрели этот фильм.

1в. Конструкции с глаголом *предложить* в контексте *хотеть, хотеться, мочь* в изъявительном или сослагательном наклонении:

(90) Я хочу предложить Вам посмотреть этот фильм / чтобы Вы посмотрели этот фильм.

(91) Я хотел бы предложить Вам посмотреть этот фильм.

(92) Мне хочется предложить Вам посмотреть этот фильм.

(93) Мне хотелось бы предложить Вам посмотреть этот фильм.

(94) Я могу предложить Вам посмотреть этот фильм.

(95) Я мог бы предложить Вам посмотреть этот фильм.

2. Конструкции с модальным глаголом *мочь* в 1-м лице и с предикативом *можно* — в изъявительном и сослагательном наклонении:

(96) Я могу Вас проводить.

(97) Я мог бы Вас проводить.

(98) Можно выпить пива.

(99) Можно было бы выпить пива.

3а. Глагол в повелительном наклонении; конструкция с *давай, давайте*, формами 1-го лица настоящего и будущего времени в гортативном значении и со специальной формой совместного действия на *-те*:

(100) Садитесь, пожалуйста! Попробуйте вареников!

(101) Давайте пойдём за грибами!

(102) Пойдём(те) завтра за грибами! Пойдем-ка завтра за грибами!

3б. Конструкция с глаголом в форме множественного числа прошедшего времени в специальном значении:

(103) Поехали завтра за грибами!

4. Вопросительная конструкция с инфинитивом или с *хотеть* (во 2-м л. наст.вр. индикатива или в сослагательном наклонении) + инфинитив + *бы* или глагол в будущем времени:

- (104) Вас *проводить*? Может быть, Вас *проводить*?
- (105) А *не проводить ли* Вас до дома?
- (106) Как Вы смотрите на то, *чтобы выпить* пива?
- (107) Как насчет того, *чтобы выпить* пива?
- (108) Вы *не хотите выпить* пива? Вы *хотите выпить* пива?
- (109) Почему *бы не выпить* пива?
- (110) Вы *бы не хотели покататься* на лодке? Вы *бы хотели покататься* на лодке?

ПРИМЕЧАНИЕ. К пунктам 3 и 4 соответственно примыкают конструкции типа (111) и (112), особенность которых состоит в том, что они не ограничиваются 1-м и 2-м лицом исполнителя действия:

- (111) *Давай ты пойдешь* в кино, а я *останусь* дома. *Давай он пойдет* в кино, а она *останется* дома.
- (112) *Хотите*, я вас *провоожу*? *Хотите*, вы меня *проводите*? *Хотите*, он вас *проводит*?

Речевой акт предложения допускает говорящего в число возможных исполнителей действия: этим предложение отличается, например, от **пожелания** или **совета** — которые не могут включать говорящего. Так, сослагательное наклонение в примерах ниже выражает пожелание или совет — но не предложение:

- (113) *Отдали бы* Вы эту книгу своему брату!
- (114) *Не ходил бы* ты, Ванек, во солдаты!

На предложение можно ответить речевым актом **согласие**, который выражается словами: *Идет!* *Годится!* *Давай!* *Хорошо!* *Ладно!* *Пожалуй*. Слово *спасибо*, как известно, может значить и согласие, ‘спасибо, да’, и отказ, ‘спасибо, нет’. Эта реакция невозможна в ответ на другие побудительные речевые акты — например, на просьбу.

3.3.2.3. Речевой акт требование / приказ

Толкование

Я требую, чтобы Вы сделали X=

Я говорю: я хочу, чтобы Вы сделали X;

я считаю, что поэтому Вы обязаны сделать X и что Вы это сделаете.

Как правило, этот речевой акт реализуется в ситуации, когда говорящий и адресат находятся в отношении «вышестоящий» — «нижестоящий».

Способы выражения

1. Глагол в императиве и конструкция с *давай(те)*:

(115) Немедленно *освободите* помещение!

(116) *Давайте не нарушать* режим!

(117) *Не смейте выходить* из дому!

Слово *давай(те)* маскирует требование под предложение (о котором см. п.3.3.2.2).

2. Глагол в изъявительном наклонении в настоящем, будущем или прошедшем времени:

(118) Ты отсюда *уходишь*!

(119) Это письмо *отдадите* директору.

(120) *Пошел* вон отсюда!

3. Глагол в сослагательном наклонении с *чтобы*:

(121) *Чтобы* все *были* на месте!

4. Глагол в инфинитиве:

(122) Всем *молчать*!

Конструкции с глаголами *требовать*, *приказывать* являются иллокутивными показателями только в перформативных контекстах:

(123) *Требую* проведения экспертизы.

Обращает на себя внимание асимметрия возможности и долженствования: *мочь* и *можно* широко употребляются в сфере иллокутивной модальности, а слова типа *должен*, *обязан*, *надо*, *нужно*, *необходимо*, равно как и их отрицание, показателями иллокутивной модальности не являются, только субъективной — деонтической, см. о них п.4.

Итак, каждому перформативному глаголу соответствует речевой акт. Но обратное неверно: не всем речевым актам соответствует перформативный глагол. Так, **угроза** не может быть выражена в форме *Я угрожаю*: она выражается массой других способов, в том числе — идиоматичных, например: *Ну, погоди! Ну, берегись! Ты меня помнишь! Ты у меня попляшишь! Ты за это заплатишься!* (см. [Кустова 2012]).

Перформативное употребление невозможно для глаголов *хвататься, упрекать, намекать, осадить, срезать* (хотя соответствующие речевые акты, несомненно, существуют). Перформативное употребление глаголов этого рода было бы равносильно «иллокутивному самоубийству» говорящего, см. [Vendler 1976].

3.3.3. Дополнительные сведения об императивном предложении

I. Императив, как уже говорилось (п.1.1), выделяется на фоне других грамматических показателей иллокутивности синтаксической неподчинимостью: императивное предложение однозначно предназначено к выполнению функции независимого высказывания. Показательно, что форма будущего времени, которая тоже может выражать побуждение (124), допустима в придаточном предложении, см. (125а), а императив такой позиции занимать не может, см. (125б):

- (124) Прощай пока, управляйся, а потом *придешь* рассказать, как ехалось. [Н.С. Лесков. Некуда (1864)]
- (125) а. — Мы ни к чему не придём, потому что ты сейчас же *уйдёшь* вон из моего номера! Слышал? Я не хочу тебя видеть! (К. Эванджелин. Самира) — б. ???Мы ни к чему не придем, потому что сейчас же *ходи* из моего номера!

О подчинительной конструкции с императивом в условном и условно-уступительном значении см. Повелительное наклонение / п.4.8.

II. Следует иметь в виду, что императив в своем основном побудительном значении предполагает способность адресата контролировать действие. Поэтому в контексте ментальных глаголов, которые стативны и не обозначают полностью контролируемого действия, императив трактуется прежде всего как выражающий разрешение: прочие разновидности побудительного значения оказываются для него в данном случае недоступны (несовершенному виду императива приписывается в этом контексте особое пермиссивное значение, см. [Булыгина, Шмелев 1997: 153–154]).

(126) *Думай*, что хочешь = ‘можешь думать’; *Понимай*, как знаешь = ‘можешь понимать’

Но императив стативного глагола может выражать и просьбу, ср. сочетаемость с *пожалуйста* в (128):

(127) *Считай*, что я все начисто забыл = ‘прошу тебя считать’

(128) Но, чтобы не быть неблагодарным, я тебя попотчую моим дорожным ромом, и, пожалуйста, *считай* меня расквитавшимся. [М. В. Авдеев. Тамарин (1851)]

С другой стороны, можно трактовать эти императивы как выражающие не иллюкутивную, а субъективную модальность (Ю. Д. Апресян, устное сообщение), например усматривать в (129)–(130) модальность возможности, а в (131)–(132) — необходимости:

(129) Я не хотел тебя обидеть, честно! Если хочешь, *считай* <= можешь считать>, что я пошутил. — А ты пошутил? [М. Петросян. Дом, в котором... (2009)]

(130) — А тогда *считай* <= можешь считать>, что тебе повезло. Потому что хозяин жизни все равно тот — энергичный. Он посмотрит на тысячу таких, возьмет тебя... [«Пятое измерение» (2003)]

(131) <...> *радуйся* <= должен радоваться>, что остался жив. [А. Славовский. Не сбылась моя мечта (1999)]

(132) Ты не *удивляйся* <= не должен удивляться>, что рано. События, понимаешь. [А. Н. Арбузов. Годы странствий (1954)]

Однако из неопределенного побуждения, выражаемого формой императива, часто нельзя выявить какую бы то ни было определенную субъективную модальность:

(133) Я хотел тебе сказать... Тогда я унился перед тобой там, в парке... Ну, *считай*, что этого не было. Я тебя выбросил из головы. [В. Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]

В состав императивного предложения могут входить показатели субъективной модальности — частицы и вводные слова: *же, да... же, ну, ну... же, давай, -ка, пожалуйста, ради бога*, см. [Храковский, Володин 1986: 176–194].

3.4. *Вопросительная грамматическая иллокутивность; частные иллокутивы*

Иллокутивная модальность вопроса выражается: а) вопросительным местоимением; это **частный** вопрос, и б) частицей *ли* и вопросительной интонацией; это **общий** вопрос.

В рамках теории речевых актов [Searle 1969] речевой акт вопроса характеризуется через условия успешности: говорящий не знает ответа; говорящий заинтересован в том, чтобы узнать ответ. Цель говорящего — побудить адресата сказать ответ.

В вырожденном случае вопрос может быть обращен говорящим к самому себе. Тогда высказывание утрачивает иллокутивную модальность вопроса; остается субъективная модальность заинтересованности в ответе, см. в [Lyons 1977: 756] о различных значениях, которые может иметь вопрос *Это хороший фильм?* в зависимости от того, обращен ли он говорящим к адресату или к самому себе.

Иллокутивная модальность вопроса совместима с разными показателями субъективной модальности; в частности, контекст вопроса допускает противопоставление наклонений. Возможен не только индикатив, но и конъюнктив — в одном из двух значений: в значении обусловленности (см. п.2.1), как в (134), и в значении смягчения категоричности — в контексте глаголов, выражающих возможность, необходимость, желательность (см. п.2.4.2), как в (135), (136).

(134) А раз приказ есть, значит, ты ни при чём! А так я разве *пошёл бы?* Что я, бандит, что ли? [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей (1964)] = ‘разве я пошел бы, если бы не было приказа?’

(135) — Даже небоскребы там падают как в кино. — А тебе как *хотелось бы?* — По-настоящему. [К. Сурикова. Толю из Жуковки знаешь? (2003)]

(136) Или ты хотел, чтобы это я там сейчас в лесу догорал? А? *Хотел бы?* Скажи, Серега? [А. Геласимов. Год обмана (2003)]

В (137) конъюнктив выражает субъективную модальность возможности — значение, едва ли допустимое в контексте утвердительной иллокутивности:

(137) — Не надо было мне все это в главк передавать, — мечтательно заметил Гуров. — Знал ведь, что так кончится... — А куда?

Куда ты это *передал бы*?! — горячась, воскликнул генерал. — Ты знаешь место, где тебя приняли бы с распростертыми объятиями? Ах, вы принесли нам компрометирующие материалы? [Н. Леонов, А. Макеев. Гроссмейстер сыска (2003)] = ‘мог бы передать’

Вопросительная иллюкутивность совместима и с другими установками говорящего. Например, *неужели* выражает вопрос и сомнение говорящего в утвердительном ответе, см. о *разве* и *неужели* в [Булыгина, Шмелев 1987].

Вопросительное по форме предложение имеет иллюкутивную силу вопроса только в контексте автономного высказывания. Вопросительное предложение в составе сложного понимается как **косвенный вопрос**, ср. *Кто ты?* (вопрос) и *Я знаю, кто ты* (*кто ты* — косвенный вопрос). О том, как меняется семантика вопроса в разных типах подчинительных контекстов, см. [Шатуновский 2012].

На базе вопросительного предложения построены разного рода **косвенные речевые акты**, см. [Searle 1975]. Синтаксическая структура вопроса может быть использована для выражения просьбы и предложения (но не требования!), см. п.3.3 и знаменитый пример:

(138) Вы не могли бы передать мне соль?

См. также примеры на базе [Wierzbicka 1991]:

(139) Зачем красить дом в лиловый цвет? = ‘не надо’, осуждение

(140) Как ты смеешь мне грубить? [Г. Владимов. Большая руда (1961)] — строгое осуждение, ср. англ. *How dare you?*

(141) Почему ты не идешь к врачу? = ‘надо пойти’, совет

Другие примеры вопросов, выражающих побуждение (из [Падучева 1985: 46]):

(142) Уйдешь ты, наконец? Долго ты будешь еще здесь стоять? За-молчишь ты когда-нибудь?

Вопрос с *как* может выразить недоумение:

(143) <...> в его чистых и наивных глазах мелькнула тень недоумения: мол, *как ты не можешь* сам сделать такую чепуху? [«Вокруг света» (1990)]

Частный вопрос может выразить отрицательное утверждение:

(144) Да кому он нужен? = ‘никому не нужен’

(145) Ну что ему сделается? = ‘ничего не сделается’

Предложение (146) — это реакция несогласия на базе общего вопроса:

(146) Это он-то умный?

Вопросительная конструкция может пониматься как восклицательная (т. е. экспрессивная), тоже отрицательная:

(147) Какой он ученый! = ‘никакой’, т. е. ‘очень плохой’

(148) А тебе какое дело? = ‘тебе нет никакого дела’

В (149) вопросительное местоимение употреблено в значении всеобщности, в (150) — в значении множественности:

(149) *Кого* он только не спрашивал! = ‘спрашивал всех’

(150) *Сколько* раз я тебе говорила? = ‘говорила много раз’

Вопросительная иллокутивная модальность совместима с показателями субъективной. О частицах и вводных словах в составе вопросительного предложения, в разных его разновидностях, см. [Левонтина 2014].

Отдельная проблема — эвиденциальные показатели в составе вопроса. Так, в (151) нельзя заменить *очевидно* на, казалось бы, синонимичное *явно*:

(151) Что-то я вас раньше не встречала! Вы, *очевидно*, новичок в нашей тусовке? — Да, — ответил Игорь. [М. Милованов. Рынок тщеславия (2000)]

3.5. Иллокутивные употребления союзов

Из правила о синтаксической неподчинимости предложений с однозначным показателем иллокутивной модальности (см. п.3.2) есть исключения. Так, в примере (152) (из [Падучева 1985: 46]) союз *так что* выражает причинную связь между пропозициональным смыслом первого предложения (отсутствие хлеба) и иллокутивной модальностью просьбы, выраженной императивом, во втором:

(152) Хлеба тоже нет, *так что* зайди в булочную.

Способны вступать в связь с иллюкутивной модальностью побуждения и вопроса союзы *пока, если, чтобы, раз* (о союзе *раз* см. [Иорданская 1988]):

(153) *Раз* ты укрощаешь свирепых зверей, попробуй-ка справиться с жинкой моей». [В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998–2004)]; *Раз* ты уверена, что я вру, зачем звонишь? [Инка (2004)]; *Раз* ты русского языка не понимаешь, может, тебе на иврите напеть? [А. Белозеров. Чайка (2001)]

(154) Зоинька, *пока* я не забыл, ты завтра свободна? [Э. Шим. Ребята с нашего двора (1976)]

(155) *Если* ты такой умный, почему у тебя денег нет?

То же касается союза *а то* (пример из [Падучева 1985: 46]):

(156) Где Иван, *а то* им начальство интересовалось.

Согласно [Левонтина 2013], отличительная особенность причинного значения союза *а то* состоит в том, что он употребляется преимущественно в контексте, где говорящий обосновывает свое речевое действие. Впрочем, соотносительность с иллюкутивной компонентой (а не с пропозициональным содержанием высказывания) характерна для причинных союзов в целом. Пример из [Виноградов 1975]:

(157) — Что, ветерок в аллее? — Да, *потому что* листья дрожат = ‘я так утверждаю, потому что <вижу, что> листья дрожат’

В басне Крылова «Волк и ягненок» волк, в ответ на неопровержимые аргументы ягненка, говорит *Поэтому я лгу?*, что значит ‘на этом основании ты утверждаешь, что я лгу?’ Тут в сферу действия причинного оператора входит показатель утвердительной иллюкутивной модальности, а само *потому* имеет вопросительную иллюкутивность — как в *почему*-репликах, описанных в [Арутюнова 1970].

О русских иллюкутивных союзах см. также [Иорданская 1992]; [Санников 2008]; об иллюкутивном *пока* — в [Iordanskaja, Mel’čuk 2009]. В [Апресян и др. 2010: 209–226] предложения с иллюкутивной модальностью в подчиненной позиции предлагается трактовать как эллиптические.

4. «Субъективная» модальность

Значения, относимые к субъективной (установочной, оценочной) модальности, указывают на отношение говорящего к ситуации, о которой он сообщает, т. е. на его психологическую или ментальную установку (*propositional attitude, attitude of the mind*) — желательность, гипотетичность, оценку вероятности и под.

Значения субъективной модальности могут выражаться наклонением (сослагательным: *Пришел бы он наконец!*), см. п.4.2; конструкциями (*Надо же было такому случиться!*), см. п.4.3; вводными словами (*Он, наверное, уже пришел*), см. п.4.4. Особую разновидность субъективной модальности представляют собой значения возможности и необходимости (по крайней мере, в некоторых разновидностях), выражаемые преимущественно особым классом предикатов (*мочь, нужно, быть должным* и др., ср. *Он мог куда-нибудь уехать; Книга должна быть на полке*), см. п.4.1.

4.1. Модальности возможность и необходимость

К сфере субъективной модальности относятся разного рода психологические или ментальные установки говорящего по отношению к сообщаемому, среди прочего — значения **возможности** и **необходимости**.

4.1.1. Онтологическая, деонтическая и эпистемическая возможность и необходимость

Значения **возможности** и **необходимости** выражаются предикатами и вводными словами, такими как: *мочь, можно, возможно, может быть, наверно* (возможность); *надо, нужно, необходимо, нельзя, должен, обязан, следует, надлежит, должно быть* (необходимость) и др. Значения ‘возможность’ и ‘необходимость’ входят также в семантику синтаксических конструкций (например, независимого инфинитива: *Не поправить дня усильями светилен* (Б. Пастернак) = ‘нельзя поправить’) и иллокутивных сил. Например, в семантику приказа входит компонент ‘необходимость’: приказ должен быть выполнен.

Возможность и необходимость — это главные понятия модальной логики (см., например, [Фейс 1974]). Логика предлагает аппарат, который может быть использован при описании многозначности модальных слов в естественном языке; при описании контекстных

синонимических соотношений между возможностью и необходимостью; при объяснении взаимодействия модальности с отрицанием. Подробнее о возможности и необходимости в модальной логике см. п.4.1.3.

Например, логика предсказывает синонимию *не может* и *должен не*: *Он не может принять этот подарок* \approx *Он должен не принимать этот подарок*; *Как я мог забыть!* \approx *Я должен был не забывать*; синонимию ‘должно быть Р’ и ‘невозможно не Р’: *Он должен это признать* \approx *Он не может этого не признать*, подробнее см. ниже п.4.1.1.3.

В логике различается три типа модальности — **онтологическая** (иначе — алетическая, от греческого *aletheia* ‘истина’), **деонтическая** и **эпистемическая**. В п.4.1.1.1 эти три типа модальности рассматриваются на примере возможности, в п.4.1.1.2 – на примере необходимости.

4.1.1.1. Три типа возможности

I. Онтологическая возможность

Утверждение, что Р(Х) **онтологически возможно**, означает, что Х способен совершить Р по своим физическим или интеллектуальным данным; что в мире отсутствуют препятствия для того, чтобы было Р(Х): онтологическая возможность вытекает из объективного устройства мира. Главные показатели онтологической возможности — *может* / *сможет*, *можно*. Примеры:

- (158) <...> заяц за сутки *может пробежать* более четырёхсот километров [«Мурзилка» (2002)]
- (159) <...> он был уверен, что у неё банальная катаракта, которую *можно снять* и хотя бы частично восстановить утраченное зрение. [Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света (2000)]
- (160) <...> Ирина *не могла* целоваться с директором. Её мутило. [В. Токарева. Своя правда (2002)]

Глагол *мочь* имеет формы настоящего и прошедшего времени (*может*, *мог*), его коррелият СВ *смочь* — формы прошедшего и будущего времени (*смог*, *сможет*), так что эти глаголы не являются морфологически дефектными в таком смысле, как английский модальный глагол *can*. (NB: формы СВ *смог* и *сможет* глагола *смочь* допустимы только в контексте онтологической возможности и не употребляются в контексте деонтического и эпистемического значения *может*).

Синонимы для онтологических *может*, *можно* — *способен*, *в состоянии*, *имеет возможность*. Каждый синоним имеет, разумеется,

свои оттенки значения. Например, в (160) нельзя заменить *не могла* на *не имела возможности*, поскольку *есть возможность* употребляется обычно по отношению к чему-то желательному.

Онтологическая возможность (особенно — невозможность) может быть также выражена синтаксически — конструкцией с независимым инфинитивом, см. п.4.1.2:

(161) Вам *не видать* таких сражений (М. Ю. Лермонтов. Бородино) = ‘вы *не сможете* увидеть такие сражения (точнее — участвовать в них)’

(162) Откуда же вам меня *знать!* = ‘вы *не можете* меня знать’

Семантика онтологического *может* раскрывается толкованием А. Вежбицкой [Wierzbicka 1987]:

(163) *X может сделать V* = ‘X сделает V, если захочет’

Например: *Иван может переплыть Волгу* = ‘переплывет, если захочет’.

Следует оговорить, что это толкование годится только для той разновидности онтологической возможности, которая в [Auwera, Plungian 1998] называется **внутренней** возможностью (participant internal possibility). Внутренняя возможность — это способность (ability); **внешняя** онтологическая возможность касается положения вещей, внешнего по отношению к субъекту. Внешняя возможность (participant external possibility) демонстрируется примером (159).

Конструкция с показателем внешней возможности может выражать экзистенциальную квантификацию:

(164) Стратегические ошибки *могут* иметь масштабные последствия \approx *Некоторые* стратегические ошибки имеют масштабные последствия.

Внутренняя онтологическая возможность не предполагает говорящего как субъекта этой модальности (*Иван может / способен переплыть реку* = свойство Ивана, не зависящее от оценок говорящего), и в соответствии с нашими определениями не является субъективной, а соответственно, и грамматической модальностью, см. п.1.1 (аналогичная оговорка делается в [Palmer 1986: 16] относительно английского *can*). На онтологической возможности не работают упомянутые выше логические эквивалентности: *Иван не может переплыть Волгу* \neq *должен не переплывать*.

II. Деонтическая возможность

Деонтическая возможность — это возможность действий некоторого Агенса, утверждаемая морально или социально ответственным субъектом или институцией. Деонтическая возможность связана с долгом, с требованиями к поведению, предъявляемыми системой правил. В прототипическом случае деонтическая возможность — это разрешение, полученное от авторитета, например говорящего.

- (165) Ну, что ж, если вам не угодно быть прелестью, что было бы весьма приятно, *можете не быть* ею. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]
- (166) Вы *можете оставить* здесь свои вещи, у нас тут большой штат гардеробщиков. [«Экран и сцена» (2004)]

Деонтическая возможность может быть выражена не только глаголом *мочь* (*Можете идти!*), но и перформативным предложением (*Разрешаю вам идти*), повелительным наклонением (*Идите!*), сочетанием *иметь право*.

В [Булыгина, Шмелев 1997] замечено, что онтологическая и деонтическая возможность различаются в своем отношении к логическому закону *ab esse ad posse*: к онтологической возможности этот закон применим, а к деонтической — нет: реально существовать может то, что не разрешено. Деонтическая возможность в сущности предполагает онтологическую: запрещается обычно то, что онтологически возможно.

Деонтическая возможность находится под контролем авторитета и потому свободно употребляется в побудительных речевых актах: *Разрешите пройти! Позвольте сказать! Можно пройти?* (≈ ‘позвольте пройти’). А от глаголов, выражающих онтологическую возможность, императивы либо неестественны (*имей возможность*), либо вообще не образуются (**моги!*).

Противопоставление онтологической и деонтической возможности проявляется во взаимодействии этих модальностей с грамматическим видом подчиненного инфинитива в контексте отрицания. Отрицание деонтических *может* и *можно* требует замены совершенного вида подчиненного инфинитива на несовершенный. Так, отрицанием для (167а) должно быть (167б), с несовершенным видом; в предложении (167в), с совершенным видом глагола, модальность понимается как онтологическая (см. об этом [Рассудова 1968/1982: 124]):

- (167) а. Здесь можно *перейти* улицу — в деонтическом значении: ‘разрешается’;
 б. Здесь нельзя *переходить* улицу;
 в. Здесь нельзя *перейти* улицу.

Противопоставление онтологической и деонтической модальности показывают примеры (168)–(170); в примерах (а), с глаголом СВ, онтологическая модальность, = ‘невозможно’; в примерах (б), с глаголом НСВ, — деонтическая, = ‘неправильно’:

- (168) а. Говорят, к боли *нельзя привыкнуть*. Неверно. [И. Грекова. Перелом (1987)] = ‘невозможно привыкнуть’
 б. Скорее бы все кончилось. Зачем ему это немилосердное наслаждение? *Нельзя привыкать* к ней, нельзя допускать себя до страха потери. [Ю. Нагибин. Другая жизнь (1990–1995)] = ‘неправильно привыкать’
- (169) а. Ему *нельзя помочь* = ‘невозможно’; — б. Ему *нельзя помочь* = ‘неправильно’
- (170) а. Его *нельзя перебить* = ‘невозможно’; — б. Его *нельзя перебивать* = ‘неправильно’

Несовершенный вид в контексте отрицаемой деонтической возможности (т. е. в контексте запрета) в какой-то мере семантически мотивирован: чтобы запретить действие в целом, достаточно запретить деятельность, которая ведет к этому результату (а онтологическая невозможность касается именно достижения результата, отсюда СВ). Для отрицаемого деонтического *разрешаю* имперфективность подчиненного инфинитива не обязательна — обе формы возможны (хотя НСВ предпочтителен):

- (171) Я не разрешаю тебе *ставить* / *поставить* здесь кресло.

III. Эпистемическая возможность

Эпистемическая возможность выражает неполноту знаний говорящего. С ее помощью оформляются вероятностные суждения. Примеры:

- (172) Правда, и соображения здравого смысла также были не на их стороне, но ведь и здравый смысл *мог оказаться* с изъясном. [В. Быков. Камень (2002)]
- (173) Газету *могло скомкать*, ветром в кучу собрать, дождями вымочить, либо собаки, либо скотина рылом её смяла... [В. Астафьев. Пролетный гусь (2000)] — неизвестно, что именно

(174) Ирина вдруг поняла, что Сашу *могли сжечь* вместе с палаткой или отстрелить в подъезде. [В. Токарева. Своя правда]

В предложении (174) модальность однозначно эпистемическая: это возможность, которая приходит в голову субъекту установки — Ирине (который не совпадает в данном случае с говорящим).

Об эпистемической возможности говорят тогда, когда рассматриваются разные возможные состояния мира и говорящему неизвестно, какая из возможностей имеет место. Однако в примере (175) глагол *мочь* находится в контексте, где возможность, с точки зрения говорящего, единственная:

(175) Марфуша ходила как в воду опущенная, но тревогу не била, а это *могло означать только одно*: она знала, где находится Сонька. [В. Белоусова. Второй выстрел (2000)]

Деонтическая возможность имеет смысл только по отношению к ситуациям, которые контролируются субъектом; поэтому в контексте неконтролируемых ситуаций модальность однозначно эпистемическая, а не деонтическая:

(176) Представляет реальную опасность то, что государство *может опоздать* с реакцией на ситуацию в области межличностных взаимоотношений мужчин и женщин [«Семейный доктор» (2002)]

Эпистемическая возможность может быть выражена не только глаголом *мочь*, но и словами *можно*, *нельзя* и вводными *возможно* и *может быть*:

(177) Он *мог* уехать в Париж.

(178) *Может быть*, он уехал в Париж.

(179) *Возможно*, он уехал в Париж.

Во всех трех предложениях одна и та же пропозиция — ‘он уехал в Париж’ и одна и та же модальность — эпистемическая возможность.

Эпистемическая возможность имеет субъектом говорящего. Так, говорящий является субъектом предположения в предложении (180):

(180) Петька *мог* забыть про нашу договоренность.

Эпистемическая возможность нетривиально взаимодействует с вопросом:

(181) *Может быть*, мне следует извиниться? ≈ Мне следует извиниться?

4.1.1.2. Три типа необходимости

I. Онтологическая необходимость

Онтологическую необходимость можно понимать как логическую необходимость. Основной показатель — *должен*:

- (182) Любопытно, что Семашко ненавидит интеллигенцию, непременно и *должен ненавидеть*, потому что как большевик он уже не интеллигент, он уже орудие в стихии: стихия против интеллигента. [М. М. Пришвин. Дневники (1918)]

Пример онтологической необходимости из [Кобозева, Лауфер 1991]:

- (183) Какая же это кружка? У кружки *должна быть* ручка.

Близка к онтологической необходимости «**практическая**» необходимость, выражаемая словами *нужно, надо*. Практическая необходимость связана с понятием цели (см. [Левонтина 2006]). Поэтому слово *нужно* имеет три валентности — Субъект цели, Потребность и Цель:

- (184) Чтобы разжечь костер <Цель>, мне <Субъект цели> *нужны* спички <Потребность>.

Цель может быть не выражена эксплицитно:

- (185) — Натурально, — ответил Азazelло, — как же его не застрелить? Его обязательно *надо было застрелить*. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

Слова *нужно, надо* не предполагают обязательно говорящего как Субъекта цели, так что практическая необходимость не обязательно является грамматической модальностью (выше то же было сказано относительно онтологической возможности, см. п.4.1.1.1).

II. Деонтическая необходимость

Деонтическая необходимость — это обязательство. Агeнс обязан совершить некоторое действие, если есть человек или институция, авторитет которых он признает; или если есть моральные принципы или социальные установки, которые заставляют его так поступить. С деонтической необходимостью связаны понятия моральный долг, обязательство, законопослушное поведение.

Показатели деонтической необходимости: *должен, обязан, необходимо, обязательно, неизбежно, непременно, требуется, следует*; с отрицанием — *неправильно, неконституционно, незаконно, аморально*. Примеры:

- (186) <...> махнул рукою арестованному, показывая, что тот *должен следовать* за ним. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита]
- (187) А между тем и эти газеты, и вся наша контора вот уже два месяца стараются внушить мне, что я *должен ненавидеть* немцев [Л. Н. Андреев. Иго войны (1916)]
- (188) Страх нарушить правила *должен быть* органично *присущ* чиновнику местного самоуправления. [Дискуссия об органах местного самоуправления (2001–2004)]

Обычно необходимость проистекает из какого-то Источника или Причины: *X нужно, чтобы Y* (т. е. *Y* — Источник того, что необходимо *X*). Специфицируя Причину, можно различить разные виды деонтических обязательств.

III. Эпистемическая необходимость

Эпистемическая необходимость — это убеждение говорящего в высокой вероятности ситуации:

- (189) Мы были увлечены проектом рок-группы, который *должен был сделать* нас знаменитыми. [Запись LiveJournal (2004)]
- (190) Если я, идущий вперед животом обыватель, не разделяющий воззрений коммунистов, ненавижу нынешнее «свинство», то как же *должен ненавидеть* его честный коммунист, которому это свинство стоит поперек его жизненного пути? [М. М. Пришвин. Дневники (1920)] — *должен ненавидеть* = ‘должно быть, ненавидит’, эпистемическая необходимость

Противопоставление эпистемической и деонтической модальности частично выражается падежом субъекта. Так, слово *должен* в предложении (191), с номинативным субъектом, может быть понято и в эпистемическом, и в деонтическом значении, а в (192) скорее в эпистемическом, что вытекает из принципиальной неагентивности глагола с генитивным субъектом; деонтическое понимание, впрочем, тоже возможно; например, если это распоряжение о выселении неблагонадежного:

- (191) Он *не должен быть* в это время в Москве.
- (192) Его *не должно быть* в это время в Москве.

Модальность необходимость может быть также выражена конструкцией с независимым инфинитивом:

- (193) Нам *не привыкать* жить при подобном сценарии. [«Известия» (2002)] — отсутствие необходимости — онтологической
- (194) В понедельник утренняя. Всем *прийти* нарядными. [В. Солдатенко. Другие опусы... (2010)] — необходимость деонтическая, т. е. долженствование

4.1.1.3. Необходимость и отрицание

Слово *должен* во всех своих значениях взаимодействует с отрицанием не композиционно: *не должен* чаще всего значит то же, что *должен не*:

- (195) Он *не должен остановиться* на первом шаге — сознании своего зла, но должен сделать второй шаг — признать сущее Добро над собою. [В. С. Соловьев. Три речи в память Достоевского (1881–1883)]

Фактически здесь *не должен* значит ‘не может’. В самом деле, *не должен остановиться* = *должен не остановиться*, а *должен не*, по одному из законов модальной логики, значит ‘не может’: *необходимо не Р = неверно, что Р возможно*.

В примере (196) *не должен догадаться* = ‘должно быть так, чтобы не догадался’ (возможно эпистемическое понимание ‘скорее всего, не догадается’, но из контекста следует, что не оно имеется в виду):

- (196) Он *не должен догадаться*, что эту интригу она затеяла специально... [Т. Тронина. Русалка для интимных встреч (2004)]

Итак, *не должен*, как правило, не значит ‘неверно, что должен’. Точнее говоря, композиционное понимание в значении отрицания долженствования требует специального просодического оформления: *Ты не должен* \searrow *отвечать на это письмо* = ‘можешь не отвечать’. Между тем слова *обязан, обязательно* взаимодействуют с отрицанием композиционно, т. е. *не обязательно Р = возможно не Р*:

- (197) ...он <Государственный совет> должен давать советы, к которым президент может, но *не обязан, прислушиваться*... [«Коммерсантъ-Власть» (2000)]

Отрицание показателя онтологической и деонтической необходимости обычно требует замены совершенного вида инфинитива на несовершенный [Рассудова 1968/1982]; [Paducheva 2008]. Пример:

(198) Оля считала, что такие, как она, *не должны выходить* замуж <...>, потому что иначе не смогут работать. [А. Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)]

В (198) подлежащее во множественном числе; но и при подлежащем в единственном числе, как в (199), вид тоже несовершенный:

(199) Она считала, что *не должна выходить* замуж.

В примере (200) употреблен СВ, но НСВ возможен и предпочтителен:

(200) Перед началом операции его проинструктировали о том, что они в коем случае *не должен обнаружить* себя даже перед экипажами других судов. [«Солдат удачи» (2004)]

То же в примере (201) — СВ инфинитива настраивает читателя на эпистемическое понимание *должен* — на понимание в значении вероятностной оценки; для выражения деонтического значения предпочтителен был бы НСВ:

(201) Чутье историка подсказывало Эйдельману, что письма такого рода — это прежде всего документы, и они *не должны залежаться* в его личном архиве... [«Наш современник» (2004)]

Для *надо, нужно* замена СВ на НСВ при отрицании обязательна, ср. *надо сказать* и *не надо говорить*.

Итак, при деонтическом значении предпочтителен инфинитив в НСВ. Отрицание эпистемической необходимости, напротив, не требует замены СВ инфинитива на НСВ:

(202) Я считаю, что эта ситуация *не должна завершиться* просто обсуждением. [«Новый регион» (2008)]

(203) Думаю, Спартак *не должен встретить* большого сопротивления [Футбол-4 (форум) (2005)]

В (204) *должен* выражает мнение говорящего, его оценку вероятности ситуации:

(204) Тюлень — упертый и ментов до предела ненавидит. Он *не должен расколоться*. — Много ты понимаешь! — оборвал его тот, которого назвали Вагой. — Это между нами Тюлень такой крутой, а в ментовке все по-другому, понял? [Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004)]

В примере (205) тип необходимости сам по себе неясен (что нередко для ситуаций, отнесенных к будущему); но судя по абсолютной уместности совершенного вида, модальность здесь эпистемическая: *не должно вызвать* = ‘маловероятно, что вызовет’, уверенность говорящего (в нарративном контексте — персонажа).

(205) Продумано было всё до мельчайших деталей: утром Катя с детьми уедет в Шереметьево, что *не должно вызвать* никаких подозрений, поскольку Катя всегда отправлялась на дачу заранее, чтобы подготовить дом к приезду Мур. [Л. Улицкая. Пиковая дама (1995–2000)]

Корреляция эпистемической модальности с совершенным видом глагола не является случайной. Это следствие того, что эпистемическая модальность естественно возникает в контексте неконтролируемых событий, когда в семантике глагола отсутствует тот компонент «деятельность», которую достаточно запретить, чтобы не возникла ситуация в целом. Ср. известную корреляцию отрицательного совершенного вида с неконтролируемостью для императива: *не вари каши* — намеренно; *не сvari каши* — нечаянно ([Булыгина 1980: 341]; [Зализняк 1992: 81], см. также Повелительное наклонение / п.2.4).

Пример (206) интересен тем, что в нем модальное слово находится в гипотаксическом контексте и «моральный авторитет», т. е. субъект суждения о долженствовании, синтаксически выражен — это обвинители:

(206) Он публично, с кафедры спросил своих обвинителей, почему он *должен ненавидеть* Запад и зачем, ненавдя его развитие, стал бы он читать его историю? [А. И. Герцен. Былое и думы] = ‘почему вы требуете, чтобы я ненавидел?’

4.1.2. Нелексические показатели возможности и необходимости

Возможность и необходимость могут выражаться в конструкции с **инфинитивом** (см. выше).

В значении возможности (чаще — невозможности) может употребляться форма будущего времени СВ:

(207) Где он сейчас, *не скажу*; Как его звали, *не вспомню*. Никуда ты *не пойдешь!*

(208) Сейчас туда только на лыжах *пройдешь*.

Значение эпистемической возможности усматривается в некоторых контекстах у будущего времени глагола *быть* в связочном значении:

(209) Да ведь она и постарше *будет* ее высочества. [Е. П. Карнович. Придворное кружево (1884)]

Среди нелексических показателей возможности следует также упомянуть пассивно-потенциальное значение возвратных глаголов [Падучева 2001], см. также Возвратность / п.2.9:

(210) Эти пятна *отстирываются* с трудом = ‘с трудом можно отстирать’

(211) Шкаф *не открывается* = ‘нельзя открыть’

4.1.3. Возможность и необходимость в модальной логике

В рамках модальной логики возможность и необходимость определяются через **квантификацию на множестве возможных миров**. Вводится понятие множества миров, **достижимых** из реального: у разных видов модальности (например, у эпистемической и деонтической) множества достижимых миров разные. Рассмотрим предложение (212):

(212) *Должно быть*, Джон много зарабатывает.

Здесь мы имеем дело с эпистемической модальностью, и множество достижимых миров определяется информацией, которой говорящий располагает о Джоне. Для эпистемической модальности определение через квантификацию на множестве возможных миров вполне соответствует интуиции, ср. [Lyons 1977: 790]. Если во всех достижимых мирах (т. е. во всех мирах, совместимых с моими знаниями), верно Р, значит необходимо Р. Если в некоторых, тогда Р возможно. Если ни в каких, то отрицание возможности. Для (212) смысл такой, что на основе того, что говорящий наблюдает, он необходимым образом должен заключить, что Джон много зарабатывает.

Что же касается деонтической модальности, то тут определение множества достижимых миров сталкивается с трудностями, так что квантификация по возможным мирам не позволяет представить семантику модальных показателей с такой же ясностью. Некоторые перспективы решения проблемы намечены в [Kratzer 1991].

4.2. Субъективная модальность, выражаемая наклонением

Индикатив и сослагательное наклонение в подчиненной позиции выражают объективную модальность (см. п.2); императив — иллюкутивную (см. п.3). Сослагательное наклонение в независимой позиции, равно как и большое количество конструкций с *бы* (таких как конструкции с *хоть бы, если бы* и др.), выражают субъективную модальность, см. Сослагательное наклонение / п.4.1.3 и п.2.4.2.

Так, опативные предложения в (213) выражают установку — **желательность**:

(213) *Хоть бы наши выиграли! Было бы сейчас лето!*

У предложения (214) грамматический иллюкутивный тип — утверждение; частный иллюкутивный тип — упрек: ‘Что бы тебе стоило подождать <риторический вопрос>? = ‘тебе ничего не стоило подождать’; плюс к этому экспрессивность как субъективная модальность.

(214) *Что бы тебе подождать!*

Другой риторический вопрос, в котором сослагательное наклонение выражает экспрессию:

(215) *Кто бы мог подумать!*

4.3. Субъективная модальность, выражаемая конструкциями

Субъективное (т. е. ориентированное на говорящего) значение могут иметь конструкции с союзами, частицами, с лексическим повтором, с междометиями (*Ох уж эти деньги!*), местоимениями (*Вот голос так голос!*). Как правило, это значение является экспрессивным и принадлежит к числу *main clause phenomena*; т. е. оно невозможно в подчинительном контексте.

Ниже рассмотрено несколько примеров.

Пример 1. С помощью конструкции «*надо же было* + инфинитив» говорящий выражает неодобрение или недовольство по поводу того, что произошло; ее смысл — ‘не надо было’:

(216) *И надо же было именно сегодня послать машину на техосмотр.*
[В. Гроссман. Все течет (1955–1963)]

Эта конструкция — частный случай отрицания, возникающего как следствие интерпретации высказывания в ироническом смысле. Ср. рассмотренные выше употребления сослагательного наклонения, п.4.2:

(217) — Поздравляю вас, Софья Константиновна. — *Было бы с чем!* — буркнула Соня. [Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений» (2010)]

Пример 2. Оборот *надо же, как / какой / сколько / куда / что / до чего* и под. имеет совершенно иное фразеологически связанное значение — выражает удивление говорящего (ср. типичную для контекста удивления конструкцию с косвенным восклицанием [Падучева 1996: 302]):

(218) *Надо же, как* время летит! [А. Геласимов. Чужая бабушка (2001)]

(219) Марина. *Надо же, до чего* обнахалился... [А. Вампилов. Провинциальные анекдоты (1968)]

Союзные слова (*как, какой* и т. д.) соединяют показатель удивления с объектом удивления. Но возможна и бессоюзная связь:

(220) — Ну *надо же* — сбежал! — изумился Егор. [В. Шукшин. Калина красная (1973)]

Значение удивления возникает только в контексте главного предложения; в гипотаксическом контексте идиоматического значения у *надо же* не возникает, значение целого композиционно складывается из значения частей:

(221) Чувствуя, что *надо же* что-то сказать, <...> я сказал ему, что только что прочитал «Пнина» и что он мне очень понравился. [Г. Барабтарло. Разрешенный диссонанс (2003)]

Пример 3. С помощью конструкции «*мало ли что* + предикация» (на месте *что* может быть *кто, где, когда* и почти все другие вопросительные местоимения и местоименные наречия) говорящий может выразить мнение о несущественности того, что произошло (см. [Падучева 2011]):

(222) Он же сказал — через два дня. — *Мало ли что* он сказал. Хочешь, поспорим? [А. Геласимов. Ты можешь (2001)] = ‘он мог много чего сказать, но это не следует принимать во внимание’

У этой конструкции могут быть и другие смыслы — иронический, т. е. противоположный, ‘многое’, или ‘многое, в том числе плохое’:

- (223) *Мало ли что* можно найти в чужом компьютере! [«Известия» (2001)]
- (224) Я решил этот клык помыть: *мало ли где* он лежал и *кто* его трогал! [«Октябрь» (2001)]

Многие субъективно модальные конструкции разными способами выражают отрицание, ср.:

- (225) А мне-то \surd что? = ‘мне до этого дела нет’
- (226) Ему-то что \surd = ‘ему ничего <плохого> не будет’

Пример 4. С помощью конструкции «нет чтобы + инфинитив» говорящий выражает неодобрение по поводу того, что человек чего-то не сделал или не делает:

- (227) *Нет, чтобы* прислушаться, подстроиться, дождаться своего сола, не вылезать. [Л. Гурченко. Аплодисменты (1994–2003)]

Существенно, что во всех этих случаях субъектом пропозициональной установки (недовольства, неодобрения и проч.) может быть только говорящий; и все конструкции неподчинимы и нецитируемы, см. о неподчинимости предложений с однозначно выраженным иллюкутивным намерением в п.3.2.

Пример 5. Конструкция «что за + именная группа» может иметь несколько значений [Подлеская 2007]. Основное ее значение — экспрессивное выражение отрицательной оценки:

- (228) *Что за* шутки! = ‘плохие шутки’

Та же конструкция с анафорической или катафорической добавкой может использоваться для экспрессивного выражения положительной оценки:

- (229) *Что за* прелесть *эти* уездные барышни! (А. С. Пушкин. Барышня-крестьянка)

ПРИМЕЧАНИЕ. Ср., однако, менее характерные примеры на конструкцию без анафоры / катафоры с семантикой положительной оценки (230) и с катафорой — с семантикой отрицательной оценки (231):

- (230) Раз, застигнутый соседкой, я ей сыграл импровизацию. — «*Что за прелесть!*» — воскликнула она. [Андрей Белый. Начало века (1930)]
- (231) *Что за гадость* эти городишки с своими растеряциями! [А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея. (1848)]

Конструкция «*что за* + именная группа» может использоваться и как обычный не экспрессивный вопрос об идентификации (и в этой функции, соответственно, субъективно модального значения не выражает):

- (232) Это *что за* остановка?

В гипотаксической позиции, т. е. в контексте косвенного вопроса, остается только значение идентификации:

- (233) Не пойму, *что* он *за* человек был; Я не знал, *что* это *за* песня; расскажи мне хорошенько, каков он собою и *что* он *за* человек; мы будем чётко представлять, <...> *что* у нас *за* болельщики.

Впрочем, положительная оценка все-таки может при некоторых типах матричных предикатов сохраняться в гипотаксическом контексте:

- (234) Вообразите, *что за* блаженство было говорить с ней (А. А. Бестужев-Марлинский)

ПРИМЕЧАНИЕ. В [Грамматика 1980(II): 215–236] подробно освещена тема субъективной модальности, однако у целого ряда конструкций, которые признаны субъективно модальными, семантика не предполагает говорящего в качестве субъекта эмоционального состояния или экспрессии. А тогда оснований для отнесения этих конструкций к сфере субъективной модальности нет:

- (235) Он всегда считал, что *дружба — дружбой, а денежки врозь*.
- (236) Съездил и увидел, что *дом как дом*, ничего особенного.
- (237) Он говорит, что *там чего только не было / ?что чего там только не было*.
- (238) Соседи сказали, что ей *праздник был не в праздник*.
- (239) Он жаловался, что *брать — берут*, а на место не кладут.
- (240) Видно было, что он *ждет — не дождетя*, когда я уйду.
- (241) Понятно, что *ему не до разговоров*.
- (242) Она подозревает, что мне *есть о чем подумать*.

Эти конструкции если и предполагают субъект сознания, то им заведомо не обязательно является говорящий. В частности, они свободно, не меняя значения, употребляются в гипотаксическом контексте. Единственная их особенность — не вполне регулярная морфология. Так, в (235), (240) время глагола может быть только настоящее.

4.4. Субъективная модальность, выражаемая вводными словами

К сфере субъективной модальности относятся **вводные слова и обороты**, выражающие ту или иную пропозициональную установку говорящего. Существенно, чтобы предикат, выражающий эту пропозициональную установку, не имел предикативной формы и чтобы говорящий не был у этого предиката эксплицитно выраженным субъектом. Так, *безусловно в Иван, безусловно, вернется* выражает уверенность и является показателем субъективной модальности, а в предложении *Я уверен, что Иван вернется* (так же как в *Маша уверена, что Иван вернется*) субъективной модальности нет.

Дело в том, что пропозициональная установка, выраженная в предикативной форме, не дает тех синтаксических рефлексов, которые характерны для грамматической модальности (см. п.1.3) — эгоцентрического субъекта и синтаксической неподчинимости.

В самом деле, первое общепризнанное условие в определении грамматической модальности состоит в том, что модальным субъектом должен быть говорящий. Между тем установка, выраженная финитным глаголом или синтаксически равноценным ему предикативом, может иметь произвольный субъект. (NB. В отличие от иллюкутивной модальности, субъективная модальность не предполагает адресата — хотя и не исключает его.)

Другое конституирующее свойство грамматической модальности состоит в том, что она тяготеет к позиции вершины семантической структуры предложения — допуская выше себя только равные себе, т. е. тоже модальные предикаты (см. п.1.1). А если пропозициональная установка выражена обычной предикацией, то нет препятствий для ее «имбеддинга» — погружения в любой контекст, т. е. в сферу действия других операторов. Так, *Почему Маша уверена, что Иван вернется?* — нормальное вопросительное предложение, а фраза *Почему Иван, безусловно, вернется?* допустима лишь как переспрос.

4.4.1. Некоторые классы вводных слов и их свойства

В принципе, вводные слова, как и все другие слова, должны описываться в словаре. Однако общие свойства вводности как специфического семантико-синтаксического феномена относятся к компетенции грамматики. Вводные слова и обороты, в основной своей части, выражают отношение говорящего к сообщаемому (т.е. имеют, в речевом дискурсе, подразумеваемым субъектом говорящего) и тем самым входят в сферу субъективной модальности.

В [Грамматика 1980(II): 229–231] различается на семантическом основании семь классов вводных слов и оборотов. Мы рассмотрим из них один — слова, выражающие эмоционально-интеллектуальное отношение или оценку говорящего.

В классе отношений и оценок можно, далее, различить:

а) слова, выражающие пропозициональную установку одобрение, неодобрение, опасение, удивление (например: *к счастью, к сожалению, странное дело, чего доброго, оказывается*);

б) соответствие ожиданию (*конечно, естественно, разумеется, действительно, в самом деле*);

в) оценку достоверности информации (*безусловно, бесспорно, на pewno, несомненно, думается, без сомнения, вероятно, по всей вероятности, очевидно, должно быть, надо полагать, возможно, скорее всего, может быть, кажется*), см. [Виноградов 1947: 739].

Укажем одно важное деление внутри показателей достоверности. Ментальные предикаты делятся на предикаты **мнения** (типа *считать*) и предикаты **знания** (типа *знать, видеть, чувствовать*). Соответствующее деление имеется и в классе вводных слов. Вводные слова, выражающие мнение, — это *возможно, наверно*. А слова, выражающие знание, — это *кажется, явно, определенно, как будто, вроде бы* (это деление было введено в [Яковлева 1988], но здесь излагается с использованием более общепринятой терминологии).

В группе с компонентом знание самое частотное слово — *кажется*. Вводное *кажется* употребляется в следующих ситуациях [Булыгина, Шмелев 1997]:

1) в ситуации неуверенного перцептивного впечатления: *Кажется, пахнет газом*;

2) в ситуации припоминания или при передаче неточно запомненного:

(243) На одной из станций, *кажется*, между Белгородом и Харьковом, вышел я из вагона прогуляться по платформе. [А. П. Чехов. Красавицы (1888)]

3) при передаче не полностью достоверной информации, полученной от других лиц или путем умозаключения: *Кажется, его нет в городе;*

4) в ситуации, когда нет достоверных данных, чтобы вынести окончательное суждение: *Кажется, мы поступили неправильно.*

Подтверждением связи *кажется* с компонентом знание является его несовместимость с нереферентными местоимениями: **Кажется, кто-нибудь уже решил эту задачу* <надо — кто-то> — в контексте передачи мнения они допустимы: *Возможно <или: я думаю, что>, кто-нибудь уже решил эту задачу.* В самом деле, компонент мнение, в отличие от компонента знание, порождает контекст снятой утвердительности, см. п.2.3.

В предложении *Кажется, мы поступили неправильно* слово *кажется* на первый взгляд выражает мнение. Однако, как показано в [Зализняк 1991], в модальном и оценочном контексте может происходить подмена, при которой мнение-оценка выдается за знание (соответственно, неverifiedируемая пропозиция — за verifiedируемую): в предложении имеется в виду, что говорящий находится в «состоянии знания» — хотя и неуверенного.

Итак, подразумеваемый говорящий является при слове *кажется* субъектом неуверенного знания. Существенно, что эксплицитно выраженный субъект 1-го лица меняет семантику вводного слова [Булыгина, Шмелев 1997]: *Кажется, фильм хороший* может быть произнесено в ситуации передачи информации, полученной от других лиц, или когда фильм не досмотрен до конца; а *Мне кажется, фильм хороший* выражает только неуверенность субъекта в собственной оценке.

4.4.2. Синтаксическая подчинимость вводных слов

Предложения со словом *кажется* иногда синтаксически неподчинимы:

(244) а. Иван, *кажется*, в отпуске. — б. *Зина считает, что Иван, *кажется*, в отпуске.

Синтаксическая неподчинимость предложения может быть свидетельством наличия в нем однозначного показателя иллюкутивной модальности или просто следствием экспрессивности субъективно-модального показателя, см. п.3.1. Однако неподчинимость может быть обусловлена также чисто семантической несовместимостью вводного модального показателя с модальностью его **ассоциированной**

пропозиции (см. п.2.3). Чтобы изложить общие правила на этот счет, нужны предварительные пояснения.

Различаются три группы вводных слов с точки зрения модальности ассоциированной пропозиции [Падучева 1996: 313].

I. Вводные слова, совместимые только с **реальной** модальностью ассоциированной пропозиции; так, в (245)–(247) говорящий утверждает, что ситуация (описываемая в пропозиции) имеет место:

(245) Иван, *к сожалению*, в отпуске.

(246) *Честно говоря*, Бобби заврался.

(247) Он, *тем не менее*, преуспевает.

Если ассоциированная пропозиция вводного слова не утверждается, употребить вводный оборот группы I нельзя:

(248) *Иван, *к сожалению*, в отпуске?

(249) *Если Иван, *к сожалению*, в отпуске, нам придется ждать до осени.

II. Вводные слова, предполагающие **нейтральную** модальность в ассоциированной пропозиции; так, в (250), в отличие от (245), говорящий ничего не утверждает, а сообщает только свое предположение:

(250) Иван, *наверное*, в отпуске.

Вводные слова группы II могут употребляться в контексте вопроса, а некоторые даже в условном предложении:

(251) Ты, *видимо (наверное, вероятно, кажется, вроде)*, занят?

(252) Если ты, *может быть*, занят, скажи прямо.

К группе II принадлежат все парентетические показатели достоверности (т.е. *безусловно, ... кажется*).

III. Вводные слова, **безразличные к модальности ассоциированной пропозиции**. К этой группе относятся слова, выражающие соответствие ожиданию:

(253) Он, *конечно*, опять занят.

(254) Ты, *разумеется*, придешь?

Если предложение с вводным оборотом (модальным) синтаксически подчинено предикату пропозициональной установки, то ассоциированная пропозиция вводного оборота находится в сфере действия двух операторов: подчиняющего оператора пропозициональной установки и собственного, модального. Ясно, что, если эти операторы не согласованы, возникнет семантическая аномалия. Имеются два естественных правила согласования.

Правило 1. Вводный оборот, предполагающий нейтральную модальность ассоциированной пропозиции, не сочетается с подчиняющим предикатом, который требует для той же пропозиции утвердительной модальности (или презумптивного статуса):

- (255) *Я рад, что он, *наверно*, вернулся.
 (256) *Я огорчен, что она, *определенно*, уехала.
 (257) *Выяснилось, что он, *бесспорно*, мошенник.

Для *может быть* в примере (258) трудно предложить какую бы то ни было интерпретацию — если *не знает, что*, значит, *хранится*, а не *может быть, хранится*:

- (258) И никто не знает, что, *может быть*, у него под телогрейкой хранится ее белая косынка... (В. Артемов. Обнаженная натура)

Правило 2. Вводные обороты, выражающие знание (т. е. *кажется, явно, определенно, как будто, вроде бы*), возможны только в контексте подчиняющих предикатов знания — таких как *знать, видеть, чувствовать*, см. (259); аналогично, оборот, выражающий мнение, сочетается с подчиняющим предикатом мнения, см. (260) (это правило сформулировано, в других терминах, в [Яковлева 1988]):

- (259) а. Я чувствую, что за мной, *определенно*, следят; Я чувствую, что мне, *кажется*, придется уступить.
 б. *Я чувствую, что он, *возможно*, где-то поблизости; *Я чувствую, что я, *несомненно*, устал.
 (260) а. Я считаю, что ты, *несомненно*, справишься; Я думаю, что он, *вероятно*, откажется.
 б. *Я думаю, что Иван, *кажется*, в отпуске; *Я думаю, что Иван *явно* доволен.

Вернувшись теперь к примеру (244), мы видим, что неподчиненность *кажется* здесь объясняется не субъективной модальностью

этого слова как таковой, а семантической несогласованностью пропозициональной установки и модального предиката. Так, глаголы *вспомнить*, *почувствовать*, *почуять*, *понять*, *заклЮчить* и даже *обрадоваться* способны подчинять *кажется*:

- (261) Сквозь его гул слышала какой-то звук в номере, с испугом вспомнила, что, *кажется*, не заперлась, осторожно, чуть приоткрыв дверь ванной, выглянула. [А. Кабаков. Сочинитель (1990–1991)]
- (262) — Я и не беспокоюсь, — ответил Максим. И почувствовал, что, *кажется*, опять соврал. — Нет, я беспокоюсь, но не боюсь, — поправился он. [В. Крапивин. Болтик (1976)]
- (263) Сукины дети Гошка и Сашка, почуяв, что у отца прекрасное настроение, что, *кажется*, у него появились деньги, тут же стали кланчить подарки. [Э. Володарский. Дневник самоубийцы (1997)]
- (264) Вступив в должность, Орлов первый день присматривался, второй осмысливал увиденное, а на третий понял, что, *кажется*, уже пора что-то делать. [«Столица» (1997)]
- (265) По тому, как обрадовался Уаскаро, Инка заклЮчила, что, *кажется*, намотав по городу пару десятков километров в поисках подарка, они его, наконец, отыскали. [Улья Нова. Инка (2004)]
- (266) Сосед, обрадовавшись тому, что, *кажется*, наконец, выбрана тема для разговора, развернулся ко мне. [М. Головановская. Противоречие по сути (2000)]

Подчиненное *кажется* допускают также глаголы говорения — которые в данном контексте подобны глаголам знания:

- (267) Отец как раз сказал ей два дня назад, что, *кажется*, встретил ту единственную женщину, которая и была ему нужна всю жизнь [А. Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)]
- (268) И, представляешь, Валька, он бухнулся передо мной на колени и заявил, что, *кажется*, любит меня. [Т. Тронина. Русалка для интимных встреч (2004)]
- (269) Еще минут через десять-пятнадцать Николай Иванович доложил, что, *кажется*, Баран и его пассажир приехали: поставили

машину на стоянку, Баран остался в машине, а пассажир пошел пешком к многоэтажному дому на Селезневке. [Л. Корнешов. Газета (2000)]

- (270) ...он хотел сообщить своему другу, что, *кажется*, знает этого «покойника». [С. Осипов. Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интер парэс (1998)]
- (271) ...и только потом наконец сумел выдавить из себя, что, *кажется*, разлюбил жену [Е. Шкловский. Состояние невесомости (1990–1996)]
- (272) Мама рассказывала мне потом, что, *кажется*, дядя Бума недостаточно осторожно лечил его, не препятствуя ему вставать с постели. [Н. М. Гершензон-Чегодаева. Воспоминания дочери (1952–1971)]

4.4.3. Всегда ли подразумеваемый субъект вводного слова — говорящий?

Итак, в гипотаксическом контексте подразумеваемым субъектом вводного оборота может быть не говорящий, а подлежащее подчиняющего предложения (п.4.4.2):

- (273) Коля считает, что Иван, *может быть*, придет.

Это значит, что модальные показатели (по крайней мере некоторые из них) поддаются гипотаксической проекции, т. е. являются **вторичными** (иначе — мягкими) **эгоцентриками**, см. [Падучева 2013].

Говоря о подразумеваемых субъектах вводных слов, следует обратить внимание на употребление *кажется* в сослагательном наклонении — *казалось бы*:

- (274) Володя приехал возмущённый: он просил представителей фирмы «Ямаха» подарить Жене рояль. *Казалось бы*, что им стоило! Но они ограничились какой-то электронной клавиатурой. [С. Спивакова. Не всё (2002)]

Если в обычном контексте подразумеваемый субъект *кажется* — говорящий, то сослагательное наклонение добавляет точку зрения второго участника речевой ситуации: говорящий приглашает слушающего разделить с ним его точку зрения, так что *казалось бы* выражает ожидание, которое говорящий предполагает общим у него

и слушающего. В примере (274) неслучайным является *но* в последнем предложении — оно выражает тот факт, что ожидание не соответствует действительности. В значении ‘казалось бы’ может употребляться и просто *кажется*, ср. *Онегин, я тогда моложе, я лучше, кажется, была*.

А пример (275) (принадлежит Е.Э. Разлоговой) показывает, что на базе подразумеваемого сослагательного наклонения вводного *кажется* возникает косвенный речевой акт:

(275) Я, *кажется*, русским языком говорю!

Тут у говорящего нет неуверенности относительно языка, на котором он говорит. Его иллокутивная цель — выяснить, почему слушающий ведет себя так, как если бы язык был ему непонятен. Т.е. подразумеваемым субъектом модальности является слушающий.

Представляют интерес подразумеваемые субъекты вводного *оказывается* (внимание к этому слову было привлечено в статье [Храковский 2007b]). Его значение включает следующие два компонента:

оказывается (X, P) =

I. X узнал <от Y>, что P;

II. X удивился, что P (или: X не ожидал, что P).

В отличие от вводного *кажется*, которое с точки зрения своего акционального класса является стативом, вводное *оказывается* обозначает изменение состояния и предполагает не одного субъекта, а, возможно, двух. Возникает основа для сложной интерференции «голосов». В примере (276) лицо X — это говорящий; он является и субъектом нового знания и субъектом удивления:

(276) Я так рада! Нашлись, нашлись! Они, *оказывается*, болели и не подавали весточек! (Л. Петрушевская. Три девушки в голубом)

Кроме лица X, в ситуацию может входить лицо Y — Источник сведений-знаний, поскольку узнают чаще всего от кого-то. В (276) Источник за кадром; но лица Y может и не быть вообще; так, в (277) говорящий получает знание не от участника Источник, а из непосредственного восприятия:

(277) Вернулся домой, на крылечко взошел, хотел было дверь открыть, а она, *оказывается*, изнутри на засов заперта. (В. Писарев. Волшебные сказки)

Наряду с этими двумя обычными употреблениями, *оказывается* имеет специфическое употребление в контексте нарратива. А именно,

может быть так, что участник Y, Источник информации, присутствует в контексте ситуации, но полученная от него информация не стала знанием субъекта X. В примере (278) лицо Y (мама) имеет мнение (для Y это знание), которое очевидным образом не разделяется говорящим. Таким образом, говорящий, получив информацию, не стал субъектом знания:

- (278) Мама все время пытается воспитывать его <брата> на моем положительном примере. *Оказывается*, я стал человеком благодаря трудолюбию и настойчивости, которые проявлялись у меня в раннем детстве [В. Аксенов. Звездный билет]

Сдвиг значения слова *оказывается* может быть представлен (Б. Парти, устное сообщение) как ироническая интерпретация (см. о ней в п.3.2 и п.4.2): высказывание понимается в противоположном смысле, а именно как отрицание того, что в нем выражено буквально. При этом речь идет о т. н. **внешнем отрицании** [Horn 1989: 362–370]: отрицается не только удивление, которое выражено словом *оказывается* в его буквальном значении, но и свойственная этому значению презумпция факта, которую обычное отрицание не отрицает.

Как и другие вторичные эгоцентрики, *оказывается* допускает **гипотаксическую проекцию**. Так, в (279) подразумеваемый субъект *оказывается* — это семантическое подлежащее деепричастия *узнав*, т. е. подлежащее матричного предложения *он* — в конечном счете, *Борис Грибанов*:

- (279) Работник Гослитиздата Борис Грибанов, встретив Владимира Корнилова, стал сетовать, что он всегда уважал Войновича как писателя и порядочного человека, а теперь он <был> очень огорчен и разочарован, узнав, что Войнович, *оказывается*, пишет доносы. [В. Войнович. Иванькиада (1976)]

Между тем в примере (280) (из [Храковский 2007b]) подразумеваемым субъектом удивления у гипотаксического *оказывается* является говорящий:

- (280) И тут он <спутник, татарин> высказал мне свою тайную просьбу: купить ему дом в Крыму, но на мое имя, потому что татарам, *оказывается*, домов не продают. (Л. Улицкая)

Вопросительной проекции вводное *оказывается* не допускает — в контексте вопроса оно не употребляется: *оказывается* может

выражать отвержение, но не сомнение. Слово *неужели*, тоже с семантикой удивления, обладает прямо противоположными свойствами — оно требует, чтобы его ассоциированная пропозиция выражала сомнение и употребляется только в вопросе:

(281) *Неужели* он недоволен?

Семантический сдвиг, представленный примером (278), позволяет обнаружить семантическую связь между удивлением и недоумением: удивление вызывает неожиданно узнанный факт, а недоумение возникает тогда, когда нам преподносится как факт то, что, на наш взгляд, не имеет места.

Пример (282) показывает, что *оказывается* может употребляться в контексте несобственной прямой речи: повествователь передает свои права на эгоцентрик персонажу — людям в больнице. Это люди в больнице, которых *взволновал визит преподающего*, неожиданно узнали, что *в наших краях есть священники* (NB: местоимение 1-го лица *наши*):

(282) Визит преподающего взволновал всю больницу. *Оказывается, в наших краях есть священники! И они исповедуют желающих! В самой большой палате больничной <...> говорили только об исповеди тети Поли* [В. Шаламов. Колымские рассказы (1954–1961)]

Здесь интерпретация *оказывается* прямая (факт наличия священников не оспаривается), но предположительный субъект пропозициональной установки не говорящий, а персонаж.

5. Библиография

- Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и в словаре. Известия РАН. Серия литературы и языка, 45(3). 1986. С. 208–223.
- Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря. М.: ЯСК. 2010.
- Арутюнова Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке // Филологические науки, 3. 1970.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. 1999.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Издательство иностранной литературы. 1955.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс. 1974.

- Бондарко А. В., Беляева Е. И., Бирюлин Л. А. и др. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука. 1990.
- Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М.: Наука. 1980. С. 320–355.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. О семантике частиц *разве* и *неужели* // НТИ. Серия 2(10). 1987.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры. 1997.
- Виноградов В. В. Русский язык. М.–Л.: Учпедгиз. 1947.
- Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М. 1975. С. 53–87.
- Грамматика 1960 — Виноградов В. В. (Ред.) Грамматика русского языка. М.: АН СССР. 1960.
- Грамматика 1980 – Шведова Н. Ю. (Ред.) Русская грамматика. М.: Наука. 1980.
- Демьянков В. З. «Теория речевых актов» в контексте современной лингвистической литературы: (Обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике, 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс. 1986. С. 223–235.
- Добрушина Н. Р. Инфинитивные конструкции с частицей *бы* // Русский язык в научном освещении, 2(24). 2012а. С. 42–64.
- Добрушина Н. Р. Рец. на: Rothstein B., Thieroff R. Mood in the languages of Europe. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing. 2010 // Вопросы языкознания, 1. 2012b. С. 118–120.
- Зализняк Анна А. Читать и думать: два вида мнения // Логический анализ языка. Культурные концепты. М. 1991. С. 187–194.
- Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München: Otto Sagner Verlag. 1992.
- Зевахина Н. А. Синтаксические и прагматико-семантические критерии выделения экскламативных предложений в разноструктурных языках // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание», 11(73). М.: Изд-во РГГУ. 2011. С. 57–79.
- Иорданская Л. Н. Семантика русского союза *раз* (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами) // Russian Linguistics, 12. 1988. P. 239–267.
- Иорданская Л. Н. Перформативные глаголы и риторические союзы // Reuther T. (Ed.) Festschrift for Viktor Jul'evich Rozencvejk. Wien: WSA [Sonderband 33]. 1992. P. 29–41.
- Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. 2. Братислава: Изд-во Словацкой АН. 1960.
- Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Семантика предикатов долженствования в русском языке. Russistik, 1. 1991.
- Кустова Г. И. Об иллокутивной фразеологии // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: ЯСК. 2012. С. 349–366.

- Левонтина И. Б. Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: ЯСК. 2006.
- Левонтина И. Б. О причинном значении союза *a to* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии, 12. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2013). 2013. С. 434–446.
- Левонтина И. Б. Дискурсивные слова в вопросительных предложениях // Die Welt der Slaven LIX. 2014.
- Летучий А. Б. Русский «угрозатив» и его родственники // Материалы международной конференции Диалог-2007. 2007. С. 375–381. <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2007/materials/html/57.htm>
- Лысакова И. П., Веселовская Т. М. Прагматика побудительных речевых актов в русском языке. Щецин–Росток. 2008.
- Макарцев М. М. Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М.–СПб.: Нестор-История. 2014.
- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. II. Москва–Вена: ЯПК // Wiener slawistischer Almanach Sonderband, 38(2). 1998.
- Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. Изд. 6-е, испр. М.: Изд-во ЛКИ. 2010 (1-е изд. — М.: Наука. 1985). <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/paducheva1985.pdf>
- Падучева Е. В. Семантика вида и точка отсчета // Изв. АН СССР, СЛЯ, 5. 1986. С. 413–424. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/OL'A86-5_.pdf
- Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры. 1996.
- Падучева Е. В. Каузативные глаголы и декаузативы в русском языке // Русский язык в научном освещении, 1. 2001. С. 52–79.
- Падучева Е. В. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание. Русский язык в научном освещении, 2(10). 2005. С. 17–42. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf2/rjns2005.pdf>
- Падучева Е. В. Эгоцентрические валентности и деконструкция говорящего. Вопросы языкознания, 3. 2011а. С. 3–18. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/egocentrals.pdf>
- Падучева Е. В. Показатели чужой речи: мол и дескать // Известия РАН. Серия литературы и языка, 70(3). 2011b. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/ksenomarkery.pdf>
- Падучева Е. В. Есть ли в русском языке грамматически выраженная эвиденциальность? // Русский язык в научном освещении, 2(26). 2013. С. 9–29.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 8-е. М.: ЯСК. 2001 (1-е изд. — М. 1928).
- Плунгян В. А. О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: *мол, якобы* и другие // Wiemer B., Plungjan V. A. (Hrsg.) Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72. München: Sagner, 2008. S. 285–311.
- Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ. 2011.

- Подлеская В. И. Многозначность конструкции «*что* плюс *за* плюс именная группа» в свете данных национального корпуса русского языка: что же это за конструкция?! // *Материалы международной конференции Диалог-2007*. 2007. С. 460–469.
- Рассудова О. П. Употребление видов глагола в современном русском языке. Изд. 2-е. М.: Русский язык. 1982 (1-е изд. — М. 1968).
- Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур. 2008.
- Урманчиева А. Ю. Седьмое доказательство реальности ирреалиса // *Исследования по теории грамматики*. Т. 3. Ирреалис и реальность. М. 2004. С. 28–74.
- Фейс Р. Модальная логика. М.: Наука. 1974.
- Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Храковский В. С. (Отв. ред.) *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*. Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб: Наука. 2007а. С. 600–632.
- Храковский В. С. (Отв. ред.) *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*. Сборник статей памяти Н. А. Козинцевой. СПб: Наука. 2007б.
- Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Л.: Наука. 1986.
- Черч А. Введение в математическую логику. Т. I. М.: Изд-во иностранной литературы. 1960.
- Шатуновский И. Б. Там, где кончаются слова: Основные типы косвенных вопросов и соотносительных с ними независимых высказываний // *Человек о языке — язык о человеке*. Сб. статей памяти академика Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник. 2012. С. 377–398.
- Шмелев Д. Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // *Вопросы языкознания*, 6. 1958. С. 63–75.
- Якобсон Р. О. Взгляды Боаса на грамматическое значение // *Якобсон Р. О. Избранные работы*. М.: Прогресс. 1959. С. 231–238.
- Яковлева Е. С. Согласование модусных характеристик в высказывании // *Прагматика и проблемы интенциональности*. М. 1988. С. 278–302.
- Aelbrecht L., Haegeman L., Nye R. (Eds.) *Main clause phenomena: New horizons*. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins. 2012.
- Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press. 2004.
- Austin J. L. *How to Do Things with Words*. Oxford: Clarendon Press. 1962.
- Auwera J. van der, Plungian V. A. Modality's semantic map // *Linguistic typology*, 2(1). 1998. P. 79–124.
- Dobrushina N. R. Subjunctive complement clauses in Russian // *Russian Linguistics*, 36(2). 2012.
- Foley W. A., Van Valin R. D. *Functional syntax and universal grammar*. Cambridge: Cambridge University Press. 1984.

- Green G.M. Pragmatics and Natural Language Understanding. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates. 1996.
- Giannakidou A. Licensing and Sensitivity in Polarity Items: From Downward Entailment to (Non)Veridicality. Chicago Linguistic Society, 39. 2002.
- Haspelmath M. Indefinite pronouns. Oxford: Clarendon Press. 1997.
- Horn L. R. A natural history of negation. Chicago: Univ. of Chicago Press. 1989.
- Iordanskaja L., Mel'čuk I. Semantics of the Russian Conjunction ПОКА 'while, before, until' // Berger T. et al. (Hrsg.) Von grammatischen Kategorien und sprachlichen Weltbildern — Die Slavia von der Sprachgeschichte bis zur Politsprache. Festschrift für Daniel Weiss zum 60. Geburtstag. Wien. 2009. P. 237–262.
- Jakobson R. Shifters, verbal categories and the Russian verb. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press. 1957 (Рус. пер.: Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Ревзина О.Г. (Отв. ред.) Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука. 1972. С. 95–113.
- Kratzer A. Modality // von Stechow A., Wunderlich D. (Eds.) Semantik: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung. Berlin: Mouton de Gruyter. 1991. P. 639–650.
- Letuchiy A. Сравнительные конструкции, ирреалис и эвиденциальность // Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 72. 2008.
- Le Querler N. Typologie des modalités. Caen : Presses Universitaires de Caen. 1996.
- Lyons J. Semantics. Vol. I–II. L. etc.: Cambridge Univ. Press. 1977.
- Paducheva E.V. Russian modals *mozhet* 'can' and *dolzhen* 'must' selecting the imperfective in negative contexts // Abraham W., Leiss E. (Eds.) Modality-Aspect Interfaces. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins. 2008. P. 197–211.
- Palmer F.R. Mood and modality. Cambridge: Cambridge University Press. 2001. (1st ed. — 1986).
- Partee B.H. Formal semantics: Origins, issues, early impact // Partee B.H, Glanzberg M. Skilters J. Formal Semantics and Pragmatics. Discourse, Context, and Models. The Baltic Yearbook of Cognition, Logic, and Communication, 6. Lawrence, KS: New Prairie Press. 2010. P. 1–52.
- Searle J. Speech Acts. Cambridge: Cambridge University Press. 1969.
- Searle J. Indirect speech acts // Cole P., Morgan J. L. (Eds.) Syntax and Semantics, 3: Speech Acts. New York: Academic Press. P. 59–82. 1975 (Reprinted in: Davis S. (Ed.) Pragmatics: A Reader. P. 265–277. Oxford: Oxford University Press. 1991).
- Vendler Z. Illocutionary suicide // McKay A. F., Merrill D. D. (Eds.) Issues in the philosophy of language. New Haven; London: Yale Univ. Press. 1976. P. 135–146. Рус. пер.: Вендлер З. Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике, 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс. 1985. С. 238–250.
- Weinreich U. On the Semantic Structure of Language // Greenberg J. (Ed.) Universals of Language. Cambridge (Mass.): MIT Press. 1963. P. 114–171.

- (Перевод.: Weinreich U. *On Semantics*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press. 1980. P. 37–96. Русск. пер.: Вейнрейх У. О семантической структуре языка // Звегинцев В. А. (Ред.) *Новое в зарубежной лингвистике*, V: Языковые универсалии. М.: Прогресс. 1970. С. 163–249.
- Wierzbicka A. The semantics of modality // *Folia linguistica. Acta societatis linguisticae Europaeae*, XXI(1). 1987. P. 25–44.
- Wierzbicka A. *Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. Berlin–N. Y.: Mouton de Gruyter. 1991.
- Wittgenstein L. *Philosophical Investigations*. Blackwell Publishing. 1953.